

ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В слободе Дымкове, близ города Кирова, мастера из речной глины изготовляют свои замечательные игрушки. На снимке: мастерица З. Ф. Безденежных за работой.

Фото А. Скурихина.

На первой странице обложки: Дрейфующая станция «Северный полюс-5». В сентябре здесь еще не заходит солнце, но мороз крепчает с каждым днем. Часто налетает пурга — предвестница наступающей полярной зимы. Воспользовавшись коротким затишьем после пурги, участники дрейфа «СП-5» расчищают снежные заносы у домика океанологов.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. Савина.

На последней странице обложки: Охота — любимое развлечение полярников дрейфующей станции «СП-5». Отправившись на прогулку по разводьям на резиновой надувной лодке — клипер-боте,— можно иной раз подстрелить нерпу, добыть свежего мяса на корм собакам. На снимке: аэролог В. Л. Диденко отправляется на охоту.

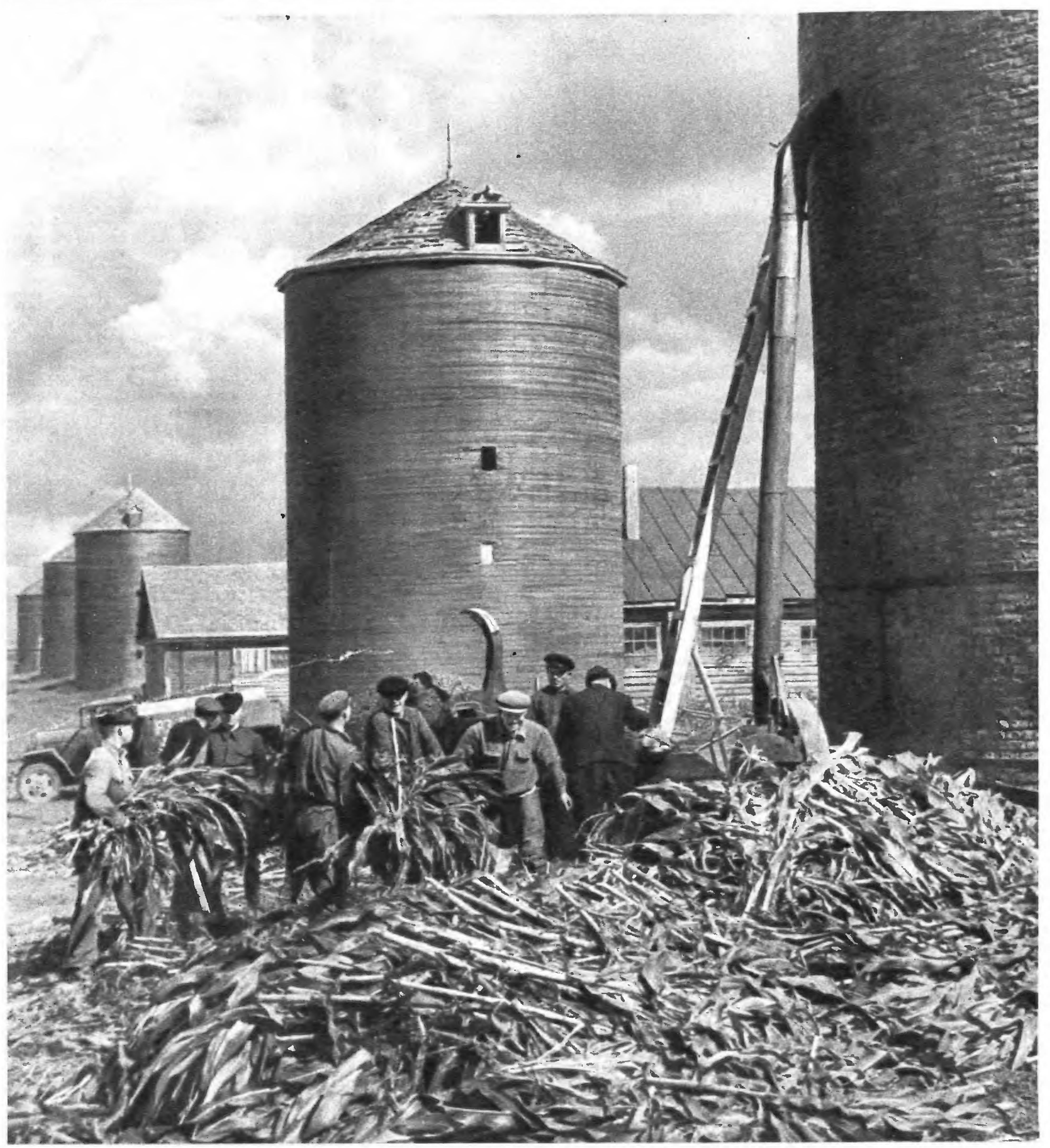
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 42 (1479) 16 ОКТЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Силосование кукурузы в совхозе «Пролетарский», Шиловского района, Рязанской области.

Фото Я. Рюмкина.

Близится к завершению уборка кукурузы на колхозных и совхозных полях. Высокие урожаи кукурузы получены и на юге, и в средней полосе, и в более северных районах нашей страны. Колхозы Украины уже заготовили на зиму свыше 15 миллионов тонн силоса: более 70 процентов его составляют измельченные початки и стебли кукурузы. В несколько раз больше, чем в минувшем году, посеяно было этой культуры в Белоруссии. Хороший урожай кукурузы выращен на Рязанщине; работники сельского хозяйства ведут ее силосование.

В БИРМЕ

О. ОРЕСТОВ

На улицах Рангуна

Перед окнами нашей гостиницы на коричневых волнах залива покачиваются большие морские корабли под флагами разных наций. Над портом вьется государственный флаг независимой республики Бирманского Союза; этот флаг колышется и над всеми правительственными зданиями Рангуна.

На улицах Рангуна и днем и вечером жизнь бьет ключом. Тяжелый, влажный климат не мешает населению проводить почти целые сутки вне стен дома. Рынки полны фруктов: тут дурьян, папайя, манго и другие плоды тропиков. Они распространяют по городу сладкий аромат.

В апреле бирманцы празднуют Новый год. Веселье царит на улицах, и, согласно обычаю, люди обливают друг друга водой.

На лотках продают самодельные толстые сигары. В лавчонках вдоль тротуаров висят «лонджи» — пестрые юбки, которые носят мужчины и женщины. Тут же на столиках жарятся и варятся бирманские кушанья, основу которых составляет рис, а также рыба и креветки.

По улицам мчатся автомобили, педикэбы, велосипеды. Картинки, висящие спереди на автобусах, помогают неграмотным ориентироваться в маршрутах. Изображение самолета показывает, что автобус идет к аэродрому, голова лошади символизирует маршрут на пригород Инсейн, славившийся конями, креветка — путь в Пазундаунг, название которого означает «Гора креветок»...

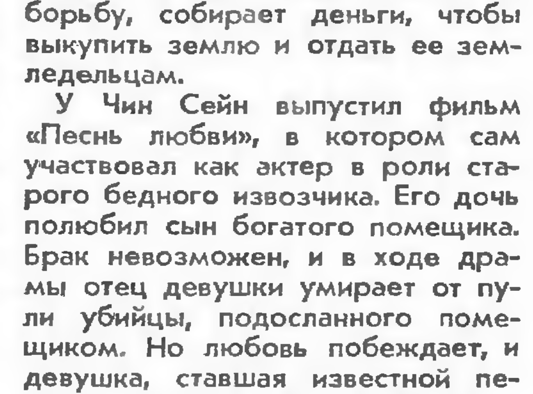
На небольшом пустыре мальчишки играют в «чинлон» — мяч, сплетенный из тонких прутьев сахарного тростника. Они ловко перебрасывают мяч друг другу, принимая его то на подъем ноги, то на плечо, то на колено и передавая дальше. Эта национальная игра широко распространена в Бирме.

Бирманцы чаще называют Рангун его старинным именем — Янгон. По преданию, король Алаунгпайя одержал в этом месте решающую победу над врагом и дал основанному здесь поселению название Янгон, что означает «Конец борьбы». Население Рангуна превышает 750 тысяч человек. Многие годы иностранные колонизаторы интересовались Рангуном только как портом, через который они выкачивали богатства из Бирмы. Молодой Бирманский Союз прилагает усилия к благоустройству столицы. Улицы Рангуна, проходящие поодаль от кипучего центра, напоминают парковые аллеи, в пригородах встречаются чудесные озера. Нет сомнения, что когда страна оправится от ран, нанесенных чужеземным господством, Рангун будет одним из красивейших городов Востока.

Бирманское кино

Мы беседовали вечером за стаканом неизменного холодного оранжада с одним из прогрессивных кинорежиссеров и артистов Бирмы, У Чин Сейном.

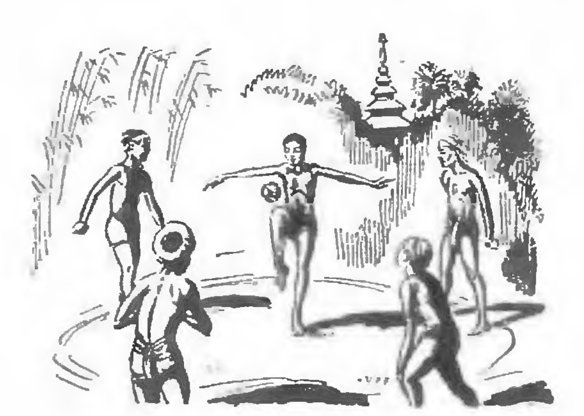
— В Бирме сейчас восемь киностудий,— сказал он.— Они выпустили в прошлом году 58 фильмов. Должен оговориться, что многие эти картины невысокого художественного уровня. Нередко это слепое подражание голливудским фильмам. Но, к сожалению, режиссеры наши во многом зависят от владельцев студий и вынуждены снимать фильмы, которые «делают деньги». Все же,— добавил У Чин Сейн,— мы пытаемся создавать фильмы с более широким социальным звучанием...

Мой собеседник привел в пример картину, которую снимают режиссеры Мин Аунг и Мьо Аунг,— «Место под солнцем». Это картина о гнете и произволе помещиков, о долговой кабале крестьянства. Герой — молодой горожанин, посвятивший свою жизнь служению интересам крестьян. Он поднимает крестьян на борьбу, собирает деньги, чтобы выкупить землю и отдать ее земледельцам.

У Чин Сейн выпустил фильм «Песнь любви», в котором сам участвовал как актер в роли старого бедного извозчика. Его дочь полюбил сын богатого помещика. Брак невозможен, и в ходе драмы отец девушки умирает от пули убийцы, подосланного помещиком. Но любовь побеждает, и девушка, ставшая известной певицей, соединяется с юношей.

Как видно, сюжеты этих фильмов отражают настроения, царящие в прогрессивных кругах новой, независимой Бирмы: стремление облегчить участь крестьянства, благоустроить города и деревни, сплотить людей на общую работу по повышению их благосостояния.

Игра в «чинлон».

В дни, когда я находился в Рангуне, общественность бирманской столицы была возмущена появлением в Бирме голливудского фильма «Пурпурная долина». Этот фильм-фальшивка повествует о приключениях некоего английского офицера в стране, которая должна изображать Бирму. Героиня картины — бирманская девушка, одетая и подрисованная по всем правилам Голливуда.

Бирманцы потребовали запрещения показа фильма. Газеты напоминали, что не так давно Голливуд снял другой фильм, под названием «Цель—Бирма», в котором голливудский артист Эррол Флин... в одиночку «освобождает» Бирму от японских милитаристов. Известно, что бирманский народ ценой тяжелых жертв, ценой крови своих сынов освобождал родину от японских оккупантов. Понятно, что попытка Голливуда насмеяться над героической борьбой народа Бирмы могла вызвать только негодование бирманцев.

Великий старец

Так — по-бирмански сеяджи — любовно именуют в Бирме известного общественного деятеля и писателя Такина Кодо Хмаинга. В этом году ему была вручена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами». Сеяджи собирался

лететь в Мандалай, чтобы выступить на большом митинге сторонников мира, и бирманские друзья предложили нам сопровождать его. Это была счастливая возможность побывать в Центральной Бирме.

Такину Кодо Хмаингу исполнилось 80 лет. Он вспоминает, что десятилетним мальчиком был в Мандалае, в 1885 году, когда англичане захватили город и низложили последнего бирманского короля. Обычно о человеке, достигшем столь преклонного возраста, говорят «престарелый», а иногда и «дряхлый». Этого никак нельзя сказать о сейджи, который бодро переносил перелеты по воздуху, после этого часами сидел в президиуме митингов, выступал с речами, а утром, на рассвете, уже обсуждал программу наступающего дня.

В молодости сейджи увлекался драматургией и написал около 80 пьес, большинство которых было поставлено в Бирме. Рост национального движения и создание партии такинов, руководителем которой стал сам Такин Кодо Хмаинг, дали новое направление его творчеству. Он пишет поэмы, сатирические произведения, едкие памфлеты, трактаты. Все это проникнуто глубоким патриотизмом и национальным духом. Таков его «Трактат о павлине», где автор говорит о славном прошлом Бирмы и о том светлом будущем, которого народ должен достичь в результате национального освобождения. Трактат написан поэтическим, доступным народу языком, в форме беседы учителя с учениками.

В «Трактате о собаке» Такин Кодо Хмаинг зло бичует английских властителей и шедших у них на поводу бирманских бюрократов; в других трактатах он высмеивает некоторых бирманцев, преклоняющихся перед западной культурой, зовет молодежь на борьбу за лучшее будущее.

Уже в преклонных летах сейджи примкнул к движению сторонников мира и, как и в других патриотических движениях, оказался в его первых рядах.

Слава Мандалая, что означает «Гроздь драгоценных камней»,— в прошлом. Это небольшой, типичный бирманский город, в центре которого стоял королевский дворец, окруженный высокими зубчатыми стенами. Стены — это все, что осталось теперь от дворца. То, что не успело разрушить время, уничтожили бомбы во время второй мировой войны. В каждой стене трое ворот с высокими узорчатыми башнями. Вокруг широкий ров, который и сейчас полон воды. На берегу ребятишки удят рыбу и женщины стирают белье.

Сотню лет назад жители с трепетом, склоняя голову, проходили мимо дворца, где обитали деспотические монархи. Люди с ужасом вспоминали, что, закладывая стены дворца, король Миндон по совету жрецов приказал зарыть под ними заживо пятьдесят два человека, чтобы их «духи» охраняли королевскую обитель. Страх внушал населению и сын Миндона — последний бирманский король Тибо, устраивавший во дворце под звуки музыки массовые казни. Не поэтому ли население не пришло на помощь королю, когда в 1885 году англичане наступали на Мандалай?

Мандалайское королевство со всей его сложной придворной иерархией, феодальными церемониями и порядками рухнуло, как карточный домик, перед наступлением английских колонизаторов. Англичане отрывали от Бирмы кусок за куском, пока здесь, в Мандалае, не был нанесен последний удар. Королю был предъявлен ультиматум, в котором содержались (помимо других условий) два следующих требования: во-первых, постоянный британский резидент в Мандалае будет иметь свободный доступ к королю и его не заставят снимать ботинки и становиться на колени перед королем. И лишь затем, словно что-то менее важное, следовал пункт, гласивший, что внешнюю политику Бирмы будет контролировать британский вице-король Индии...

Ультиматум был отвергнут, и английские войска захватили Мандалай. Но даже английские историки вынуждены признать, что в течение пяти лет после падения Мандалая бирманские партизаны вели ожесточенную борьбу против интервентов, а в горных районах Бирмы вооруженное сопротивление продолжалось еще долгие годы.

Мы вспоминали эти эпизоды из истории, стоя у дворцового рва, заросшего лотосами и зеленой тиной. Действительность ворвалась в воспоминания: зеленая автомашина со смеющимися бирманскими солдатами лихо проскочила через мост и, оставляя позади облако пыли, влетела в Восточные ворота. Молодых граждан независимой Бирмы, повидимому, мало волновало сейчас, что до этого на протяжении столетий через Восточные ворота мог проходить только сам король...

Сану, борцу за независимость Бирмы.

В Бирме повсюду поднимаются к небу остроконечные шпили буддийских храмов-пагод. Есть грандиозные пагоды, как, например, знаменитая пагода Шве-Дагон в Рангуне, пагоды на горе, как Судаунгпьи в Мандалае, бедные деревенские пагоды и, наконец, маленькие пагоды, которые строят благочестивые бирманцы возле своих домов.

взбирались по грубым каменным ступеням на вершину холма, где в храме стоит гигантская статуя Будды. Рядом находится еще одна пагода. В ее дворе стройными рядами выстроились сотни маленьких белых пагодок, чуть выше человеческого роста, с обычными острыми шпилями. Внутри каждой из них — большой камень с выбитыми на нем древними письменами. Это своеобразная буддийская библиотека: здесь на камнях увековечены изречения и заповеди Будды.

Мандалай и окрестные города— один из центров бирманского монашества. Одетые в оранжевые рясы фигуры, бритые головы и непременный черный зонтик видны на каждом шагу. На митинге, созванном комитетом сторонников мира, добрую половину зала заполнили монахи. Здесь были и дряхлые, морщинистые старцы, и крепкие, статные мужчины, и юноши с пытливым взглядом, и мальчики 12—13 лет. Никто не возражал, что монахи заняли все первые ряды: сказывалось укоренившееся почтение к «святым людям».

Монахи внимательно слушали речи, весело реагировали на шутки, разделяли вместе с оратором возмущение и гнев против тех, кто хочет толкнуть человечество в пропасть новой войны. С особым интересом они отнеслись к выступлению своего собрата У Памаукха, монаха, бывшего настоятеля монастыря Уин, активного борца за мир. В пламенной речи он рассказал, чем грозят Бирме и ее независимости происки империалистов в Азии, и призывал монахов решительно выступать в защиту мира.

Мне рассказывали, что в годы народной войны против японцев многие монахи активно помогали партизанам и бирманской армии, сражавшимся против оккупантов. Да и трудно кому-либо в Бирме не сочувствовать движению, которое ставит целью укрепление мира. В деревнях, которые мы проезжали, еще плачут женщины, вспоминая страшные годы войны, грабежи и насилия японских солдат. Они рассказывают о мужьях и сыновьях, угнанных японцами на строительство «дороги смерти», которая должна была соединить Бирму с Таиландом. Тысячи бирманцев погибли на стройке в диких джунглях от истощения, лихорадки, голода. Еще и сегодня сжимают кулаки мужчины, вспоминая обесчещенных и убитых жен и дочерей...

Повсюду в Бирме видели мы стремление народа, получившего независимость, бороться до конца против повторения военного пожара на родной земле.

Рангун.

Бирманские киноартисты Чит Маунг и Маунг Шин в историческом фильме «Братья из Таунг Пьона».

ВОИНСКИЕ ЗВАНИЯ, ОРДЕНА, МЕДАЛИ И ФОРМА ОДЕЖДЫ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ КИТАЯ

В нынешнем году в Народно-освободительной армии Китайской Народной Республики введены новые воинские звания. В связи с этим установлена новая форма одежды, а также погоны, петлицы и эмблемы различных родов войск. Учреждены новые ордена и медали.

Недавно Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун в соответствии с решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей отдал приказ о присвоении воинского звания Марша-

Маршал Чжу Дэ.

Маршал Пын Дэ-хуай.

Маршал Линь Бяо.

Маршал Лю Бо-чэн.

Маршал Чэнь И.

Маршал Ло Жун-хуань.

Маршал Сюй Сян-цянь.

Маршал Не Жун-чжэнь.

На площади Тяньаньмынь в Пекине во время парада, посвященного шестой годовщине КНР.

ла Китайской Народной Республики Чжу Дэ, Пын Дэ-хуаю, Линь Бяо, Лю Бо-чэну, Хэ Луну, Чэнь И, Ло Жун-хуаню, Сюй Сян-цяню, Не Жун-чжэню и Е Цзянь-ину.

Одновременно опубликован приказ о награждении орденами маршалов и группы других лиц, отличившихся на военной службе. Новыми орденами и медалями по положению награждаются военнослужащие Народно-освободительной армии КНР за заслуги во время революционных войн китайского народа в период с 1927 года.

Маршал Хэ Лун.

Маршал Хэ Лун.

Маршал Е Цзянь-ин.

Орден 1 августа первой степени (1 августа — день Наньчанского восстания, положившего начало созданию Народно-освободительной армии Китая).

Орден Независимости и Свободы первой степени.

Орден Освобождения первой степени.

Медаль 1 августа.

Медаль Независимости и Свободы.

Медаль Освобождения.

В Советском Союзе гостила парламентская делегация Великого Герцогства Люксембургского во главе с Председателем Палаты депутатов Эмилем Рейтером, приехавшая по приглашению Верховного Совета СССР.

На снимке: Люксембургская парламентская делегация на приеме у заместителя Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. А. Лебедева и заместителя Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР П. Г. Тычины в Большом Кремлевском Дворце.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Фото В. Егорова (ТАСС).

Народное искусство Индии

Вход в один из самых обширных павильонов Центрального парка культуры и отдыха имени Горького украшен чудесной резьбой. Слово «Индия», начертанное на фронтоне на двух языках — русском и хинди,— непрерывно звучащая, ласкающая слух музыка индийских композиторов — все влечет сюда, на только что открывшуюся здесь выставку, нескончаемый поток посетителей.

Устроители и организаторы выставки — посольство Индии в Москве и Всеиндийское управление кустарных ремесел — при содействии Всесоюзной торговой палаты провели немалую подготовительную работу. Все сделано для того, чтобы отразить в этом огромном собрании высокий уровень развития кустарных ремесел Индии, в большинстве своем столь же древних, как и сама культура великого народа. Свыше 22 тысяч экспонатов, выполненных искусными руками кустарей 28 штатов республики, представляют здесь самые разнообразные промысловые отрасли: художественные изделия из слоновой кости, мрамора, глины, серебра, меди, черного металла, рогов животных, кожи, сандалового дерева, лаки и резьба по дереву, разнообразная керамика и резная мебель, вышитая и тканая красочная одежда, чудесных расцветок материи и чарующие своим рисунком и колоритом ковры. Бережно и любовно все это собиралось по территории Индии — от Гималаев до мыса Коморин, от Ассама до Аравийского моря,— как об этом говорил в своей речи на открытии выставки Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон.

Эта богатая и разнообразная выставка — еще одно яркое свидетельство необычайной одаренности великого народа, сумевшего донести до наших дней во всей прелести старинную многовековую культуру производства, тесно связанного с бытом миллионов людей. И трудно передать восторг посетителей выставки, буквально очарованных дарами народного искусства.

Е. НИКОЛАЕВА

Фото Е. Умнова.

Открытие выставки кустарных изделий Индии происходило с соблюдением национальных индийских традиций: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон зажег восьмиугольный светильник у входа.

У витрин с изделиями из кожи.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КАНАДЫ Л. Б. ПИРСОН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

С 5 по 12 октября в СССР находился в качестве гостя Советского Правительства Министр иностранных дел Канады Лестер Б. Пирсон.

За время пребывания в Москве Л. Б. Пирсон имел встречи с руководящими деятелями Советского государства и вел переговоры с Министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, Министром внешней торговли И. Г. Кабановым и с исполняющим обязанности Министра культуры СССР С. В. Кафтановым.

Эти встречи и беседы проходили в сердечной атмосфере и затрагивали широкий круг вопросов, включая вопросы, специально относящиеся к двум странам, а также вопросы, имеющие большое международное значение. Обмен мнениями привел к более ясному пониманию точек зрения сторон, что будет содействовать росту хороших отношений между двумя странами.

Перед выездом из СССР Л. Б. Пирсон посетил Крым, где был принят Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным и членом Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущевым.

На снимке: прием у Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова. Слева направо: В. М. Молотов, М. Г. Первухин, Г. М. Маленков и Министр иностранных дел Канады Л. Б. Пирсон.

Фото А. Гостева.

КРЕПНУТ ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ

Союзная Народная Скупщина Федеративной Народной Республики Югославии в начале октября тепло встретила членов делегации Верховного Совета СССР, возглавляемой Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Волковым. Поездка советской делегации является ответным дружеским визитом на недавнее посещение Советского Союза парламентской делегацией Югославии.

В городах и селах — всюду, куда бы ни приезжали члены делегации, им оказывали самый теплый прием.

Во время пребывания в Белграде делегация Верховного Совета СССР нанесла визит Председателю Союзной Народной Скупщины ФНРЮ Моше Пьяде.

На снимке: обед у Моше Пьяде в честь советской делегации.

Фото Югопресс.

ПРЕБЫВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ГДР

Во время пребывания в Германской Демократической Республике, по случаю ее шестой годовщины, Правительственная делегация СССР во главе с членом Президиума и секретарем ЦК КПСС тов. М. А. Сусловым совершила поездку в район Науэн (округ Потсдам). Делегацию сопровождал первый секретарь ЦК СЕПГ, заместитель премьер-министра ГДР тов. В. Ульбрихт.

Глава делегации М. А. Суслов и сопровождавшие его лица посетили сельскохозяйственный производственный кооператив в Кноблаухе, машинно-тракторную станцию в Бахове и народное имение в сельской общине Маркее.

Руководитель народного имения товарищ Кердель (в центре) рассказывает М. А. Суслову о достижениях хозяйства. Слева — секретарь ЦК СЕПГ, заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт.

На усадьбе МТС в Бахове.

Фото Центральбильд.

ДО СЛЕДУЮЩЕЙ ВСТРЕЧИ!

Около двух недель пробыла в Советском Союзе английская сельскохозяйственная делегация. Гости побывали на Украине и на Кубани, в Ленинграде и на целинных землях, в Сталинграде и на Кавказе. 8 октября английская сельскохозяйственная делегация выехала из Москвы на родину. На прощанье глава делегации Дж. Ньюджент сказал: «...мы будем с нетерпением ждать следующей встречи: приезда вашей делегации к нам и поездки нашей новой делегации к вам».

На снимке: Дж. Ньюджент (второй справа) вручает значок члена Английского королевского сельскохозяйственного общества председателю казахского колхоза «Луч Востока» В. Д. Дидковскому.

Фото Л. Кокошвили.

Доброе утро, товарищи китобои!

Галина ШЕРГОВА Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

«Мы укрылись от зноя в зарослях бамбука»,— записала я в дневнике. Честное слово, стоило обгореть даже до волдырей, чтобы иметь право записать фразу, которая с детства олицетворяла необычайность путешествий. Меньше всего я думала, что это можно будет констатировать на Курильских островах. Почему-то Курилы представлялись мрачными вулканами в океане.

А тут лиловые ирисы зазывали шмелей желтизной сердцевины, морозно мерцали чистейшие блестки в лепестках лилий, кудрявые алые саранки открывали мохнатые подвески тычинок. А вот среди черных, раскаленных песков плотными круглыми клумбами возник шиповник. Огромные его лепестки, облетев, пятнали песок.

Мы фотографировали и фотографировали. Разумеется, нам хотелось, чтобы пейзажи были «покурилистей»: и зеленые ветви лиственниц, плоские, прослоенные ветром, и меланхолические ширококрылые вороны, и грозный вулкан в кокетливом ожерелье облаков, и серые, умершие деревья, похожие на модернистские скульптуры. Хотелось, чтобы все это «влезло» в кадр на фоне алого заката на океане. И когда нам наконец удалось найти такую точку, мы с удивлением обнаружили, что не учли одного важного компонента пейзажа: мы стояли

Меткий выстрел.

на кукурузном поле. Это тоже было неожиданным: на Курилах росли овощи и кукуруза.

Однако не красоты пейзажа влекли нас на Курилы.

Курилы — единственное место в стране, где на берегу расположены китокомбинаты, обслуживающие Курильскую китобойную флотилию. Как известно, флотилии «Слава» и «Алеут» обрабатывают китов прямо в море, на плавучем заводе.

И вот мы отправились в залив Касатку на ближайший китокомбинат.

В Касатке уже пахло китами. Причем пахло в прямом смысле: тяжелый запах китового жира прочно пропитал «слип» — площадку для разделки туш; даже стены домов хранили этот запах.

Во время пребывания на Сахалине мы думали, что узнали океан. Ничего подобного. Настоящий океан, его нравы, его причуды ощутились здесь, на маленьком острове. Тяжеловесные кругляши гальки завалили берег. Это была именно галька — не валуны, но по сравнению с ней голубоватые яйца черноморских камней казались легкомысленными, изнеженными. У самой воды камни поросли черным стеклярусом мельчайших ракушек, и в обкатанных расшитых камнях была видна работа океана — могучая и кропотливая. Желтые утята прогуливались по берегу, задиристо толкая носом красно-белых крабов. Скелет дома, убитого ураганом, и белые, точно ископаемые, скелеты китов, чайки, ступающие по отливу бесследно, как мифические существа, и катерок, прыгающий по волнам, такой ничтожный над их мускулистыми тушами,— все это был океан, все это были Курилы.

Касатка ждала китов. По радио передавали, что у «Пурги» шесть кашалотов («Правда, детский сад»), но вот беда: «Пурга» идет на комбинат Скалистый, а не в Касатку; что «Буран» охотится за «богодулом», но кит «плохо ходит — дурной какой-то».

Когда кит «плохо ходит», это значит — он ходит хорошо. И не такой уж он дурной, если не дает себя загарпунить. Но тогда мы этого не знали и возмущались поведением кита. Даже в самой терминологии, такой панибратской, таилась для нас романтика. И мы гордо шептали друг другу:

— «Детский сад» — это маломерки, чуть побольше предела — десяти метров семидесяти сантиметров. Китов меньше этой длины убивать нельзя.

— И самку с детенышем нельзя, — вставлял еще кто-нибудь, стараясь продемонстрировать и свою осведомленность.

— И гренландских нельзя: они вымирающие.

— А «богодул» — это старый, большой кашалот.

Утром мы с нетерпением ждали «капитанского часа»: трижды в день китобойцы разговаривают между собой и с командиром флотилии. И когда первый китобоец начал: «Доброе утро, товарищи китобои!»,— мы замерли с надеждой услышать: «Веду китов в Касатку».

Но вот «капитанский час» кончился, и мы с грустью установили, что в Касатку ни один китобоец китов не ведет; пришлось перебираться в китокомбинат Ясный, на противоположный берег острова.

Китобоец «Ураган» буксирует китов.

Ясному не очень везет с китами — комбинаты Северных Курил обрабатывают их куда больше. Но, как говорится, нет худа без добра. У работников Ясного было время, чтобы заняться очень важной проблемой: полной утилизацией кита. Дело в том, что до сих пор киты используются еще очень незначительно.

С кита берут главным образом жир, спермацет (этот ценнейший для парфюмерной промышленности продукт находится в голове кашалота) и кожсырье.

Но, кроме того, кит таит в себе массу ценных продуктов: из печени можно добывать витамин А; мясо — отличный материал для

кормовой муки; кости могут идти на туковые удобрения; желатин, столярный клей и еще десятки продуктов можно получить из китовой туши. Да что там! Мы отведали консервов из китового мяса и с удовольствием уплетали китовые бифштексы; если бы не крупные волокна, их невозможно было бы отличить от говяжьих.

Консервы были изготовлены в Ясном на небольшом заводике при комбинате.

Работникам Ясного самостоятельно пришлось начать опыты по обработке китового сырья. Главный инженер Б. М. Михайлов и механик И. П. Мирошкин сконструировали пресс-волчок для механического извлечения жира. Заведующая лабораторией Ясного А. Л. Добронравова с инженером М. И. Павликовской разработали технологию изготовления консервов.

Завод освоил выпуск кормовой муки — это особенно приветствовали китобои. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что кормовую муку можно производить и из «некондиционного» мяса, то есть не очень свежего, находившегося в пути более двадцати часов. «Кондиция» — одно из самых свирепых слов для китобоев.

Вот об этих-то делах и узнали мы в Ясном.

Мы пробыли на китокомбинате несколько дней, но были вознаграждены за ожидание: наконец мы узнали, что в Ясный идет китобоец «Ураган» с восемью кашалотами, и мы получили разрешение выйти с ним в рейс.

Утром «Ураган» стал на рейде в бухте Консервной, и с первым катером, который пошел за китами, мы отправились на судно.

...Китобоец простоял в бухте Консервной до вечера: брали пресную воду. Шланг подтянули к водопаду, белесой веревочкой извивающемуся по зеленому обвалу отвесного берега. Рядом с водопадом такими же светлыми жгутиками вились стволы курильских гнутых берез. Казалось, с водой шланг вбирал всю красоту берега, чтобы увезти в океан память о земле.

На судне знакомства стремительны. Через час мы уже погрузились в жизнь китобоев. Мы узнали, правда, пока еще из рассказов, о шторме у острова Парамушир, когда катер, ведущий одиннадцать китов, унесло в море и «Ураган» буксировал его. Мы «видели», как китобоец идет в тумане на прибрежные валуны, приняв их за китов. Мы силились представить, как одиннадцатибалльный зюйд-вест ломился в обшарпанный бурями бок «Урагана», а в машинном отделении шел текущий ремонт, будто прогулочная зыбь лежала за бортом. Впрочем, старший механик Григорий Михайлович Голубь сказал:

— Я, конечно, человек неверующий, но, даст бог, будет свежий ветерок, чтобы вы все могли правдиво описать.

— Дай бог,— ответили мы, в глубине души страстно надеясь, что «бог не даст», хотя стул в каюте подозрительно переминался с ноги на ногу.

Почти одновременно с нами на «Ураган» прибыл замполит флотилии Панфилович, и его сразу же атаковали матросы:

— Михаил Александрович, соберем сегодня комсомольское? Надо обсудить насчет «Вьюги»: обходит нас опять, говорят, по показателям. Только у нас все равно «дроби» лучше, так что мы отступать не согласны.

«Дробями» назывались передаваемые ежедневно на «капитанском часе» данные о количестве добытых китов, их весе в центнерах, о запасе топлива на судне. О «дробях» и о «Вьюге» говорили все, даже буфетчица и кок.

...В беззвездной ночи тьма над океаном была плотной и душноватой. Выйдя побродить по палубе, я не могла различить предметов, и только внезапно возникшие голоса заставили остановиться.

— Я в гарпунеры, знаешь, как рвался? — услышала я.— На морето я давно, а вот хотел в гарпунеры — и все. Пошел на курсы. А с математикой у меня не выходит. Говорят: «Шадрин, из тебя гарпунера не будет». Как это, думаю, не будет? На фронте снайпером был, а тут в такую фигуру с сорока метров не попаду? В помощники гарпунеру, как мальчонка, пошел. И стал. Правда, первый раз с испугу промазал. И ты не робей. Поможем. В океане без помощи не бывает.

— Да я уж убедился, Сергей Васильевич,— ответил какой-то почти мальчишеский голос.— Мне на берегу говорили: «Кто тебя в море учить будет? Гарпунеру, говорили, только самому специалистом быть интересно. Зачем ему второй?» А вы всё объясняете... Да ведь объясняй, не объясняй, китов, их сразу не поймешь.

— Ты учти: кит, он все слышит. А уж машины этот зверь и подавно слышит.— Шадрин говорил это почти с нежностью. «Зверь» было самым ласковым словом в лексиконе гарпунера. Он и про жену рассказывал: «Хороший звеpенок мне попался».

Чтобы не нарушить задушевности беседы, я тихо ушла в кают-компанию. Там урaганцы снова осаждали Панфиловича:

— Раньше план у флотилии триста китов в год был? Триста. А теперь тысяча шестьсот двадцать. И «Ураган» одним из первых темп сменил. Мы сейчас иной раз по две тысячи центнеров в день берем. Недавно какого блювала загарпунили — двадцать пять метров, почти девяносто тонн! А у «Вьюги» таких нет. Пересмотреть надо показатели. И потом скажите честно: мы когда-нибудь темнили? Если видим китов, другие суда зовем.

А судно жило своей жизнью. Быт, обычный человеческий быт дышал в каютах и кубриках, обычная человеческая тоска по дому пульсировала в ключе под пальцами радиста. И над океаном бродили слова повара Елены Ивановны: «Молодец, сынок, рада, что хорошо учишься». И стармех Григорий Голубь тревожился о жене: «Как чувствуешь себя, Вера? Держись, старпом!» Они поженились, когда Вера Мицай была старпомом на «Тайфуне». Сейчас Вера ждала второго ребенка, и это обстоятельство заставляло тревожиться даже неустрашимого «морского волка» — в этом все люди одинаковы.

Свежим хлебом по-домашнему пахло в камбузе. Лихо стучали костяшки домино в красном уголке. Буфетчица Паша, штопая носки, поучала новенькую дневальную:

— Иные матросы думают: если женщина на корабле, то уж к ней и с глупостями приставать можно. Я глупостей не позволю. А помочь — пожалуйста: и постираю и поштопаю, жалко их: бессемейные вроде.

Кто-то гадал, когда снова из Москвы передадут концерт по заявкам китобоев. Раскатистый смех вырывался из приоткрытой двери столовой: там крутили кино. В каюте стармеха заливались граммофонные теноры, и слышно было, как Голубь говорил:

— Во, «И кто его знает...» Поставим для Шадрина любимую. Ему зарядочка на утро нужна.

Китобоец был сейчас не охотником и бойцом, а просто домом для сорока людей, домом, с которым они неразлучны семь месяцев в году и которому дано заменить им и стены родной квартиры и приветливое тепло семьи.

На рассвете заголосила сирена, и я мгновенно проснулась от мысли: «Киты!»

Солнце еще только-только легкой кисточкой поджелтило гребешки волн, и океан, спокойный, зеленоватый, отдавал прохладу ночи. («Бог не дал» свежего ветерка.) Команда была уже наверху — все в ватниках и шапках-ушанках, несмотря на лето. Шадрин ходил взад-вперед по пятачку гарпунерской площадки на самом носу судна. Он был уже не тот вчерашний Шадрин — то застенчивый, то говорливо-веселый. Нет, сейчас он был сосредоточен, почти суров. Вдруг он замер, и над плечом его взметнулся квадрат брезентовой рукавицы...

Прямо перед нами над пахучей зеленью океана, как вытесанные из черного гранита, взошли две округлые спины кашалотов. Еще две, еще, еще — мы насчитали тринадцать. Капитан Владимир Кириллович Выставкин втащил меня в рубку и шепотом — сейчас почему-то все говорили шепотом — процедил:

— Ну, ваша звезда: здесь, в проливе Фриза, отродясь китов не было!

— Помалу, помалу! — Рукавица Шадрина закивала.

— Помалу! — передал в машинное Выставкин.

Сейчас Шадрин был главным. Послушное движению его рукавицы, судно то урчало, устремляясь вперед, то замирало, заглотив дыхание. И вместе с китобойцем люди то придерживали дыхание, то подавались вперед всем корпусом. Машина и люди были одно объятое тревогой охоты существо.

Когда до китов осталось метров сорок, грянул выстрел.

С мягким шелестом канат пролетел над океаном. Укрепленный на его конце гарпун впился в кашалота, граната разорвалась в теле кита.

Китобоец резко развернулся, отчего корма оправилась в бирюзу. Слева по борту вода была алой, как от расплескавшегося заката, а вокруг прежняя, нетронутая, глубокая и ясная зелень. Китобоец еще урчал, в запоздалом исступлении охоты дрожали его чуткие машины. И снова, как единый организм, команда работала быстро и почти молча, подтягивая кита к борту, накачивая тушу воздухом (чтобы держалась на воде). Люди готовились к следующему выстрелу.

«Урагану» повезло только с первым китом. Дальше мы могли воочию убедиться, что когда кит «ходит плохо», это значит: он ходит хорошо. Несколько раз кашалоты подпускали китобоев на сто — сто двадцать метров и... вдруг уходили под воду. Нужно искать новых китов. И вот наконец мы снова подкрались к парочке «кешей», гулявших между сочнозелеными холмами волн... Охнул выстрел, но гарпун, легко царапнув китовый хребет, клюнул круглый, мерцающий бок волны... Все было кончено: киты погрузились, и больше, сколько мы ни блуждали по проливу Фриза, ни одна спина не замаячила над океаном.

После промаха я с ужасом ждала, что сейчас разразится скандал, что Шадрину достанется за промах, особенно, когда Голубь — парторг судна,— пробегая мимо смущенного гарпунера, бросил: «Эх, нескладуха, вертлявый!..» Но команда работала как ни в чем не бывало, даже не выразив своего отношения к случившемуся.

На дневном «капитанском часе» все суда звали «Ураган».

— Владимир Кириллович, сколько видел — тринадцать? Повтори!.. «Ураган», «Ураган», куда пошли киты?.. Точно скажи квадрат, Владимир Кириллович!

После заката я спустилась в кают-компанию. Проходя мимо каюты Голубя, я вдруг услышала раздумчивое «И кто его знает...» Крутилась любимая пластинка Шадрина: Голубь от имени команды подбодрял гарпунера. И я поняла, что фраза «Эх, нескладуха, вертлявый!..» относилась к киту, а не к Шадрину. Тому не было сказано слов. Тут они не в моде.

...К Касатке, куда «Ураган» вел убитого кита, подошли в сумерках. Туман навалился на воду; его клочья, как развешанное для просушки белье, трепетали на тросах, кипы тумана лежали на палубе. С китокомбината за нами шел катер. Сгрудившись на корме, мы сквозь кисею тумана глядели, как двигалось маленькое судно, узкой грудкой толкая перед собой волны.

— Ох, неохота в туман лезть! Неуютно, бр-р-р...— вдруг передернул плечами Выставкин.

Что нужно было ответить ему? Мы молчали, вдруг остро ощутив, как грустно и неустроенно станет сейчас судну — одному в гуще тумана.

Мы еще долго махали «Урагану»; команда кричала нам:

— Пишите! Вспоминайте «Ураган»!

Высадка с катера на берег оказалась сложной: океан расшумелся, и накаты не давали катеру подойти к пирсу. Приходилось ловить мгновения между волнами и прыгать с ходу, пока накат не накрывал нас в очередной раз, грозя сплюснуть крохотный катерок о бревна пирса.

Земля ходила под нами и на следующий день, и мы удивлялись крайней неустойчивости земного шара. Казалось бы, поскорей перейти на «земное» существование. Но, едва проснувшись, мы побежали к рации, чтобы услышать: «Доброе утро, товарищи китобои!» А потом позывные «Урагана»: «Говорит Усла».

Ведь каждому, кто хоть раз приобщился к жизни этих людей, долго будет мерещиться туман, в котором живут голоса раций, и день для него будет начинаться мысленным приветом: «Доброе утро, товарищи китобои! Хорошей вам удачи, друзья!»

Сбор редиса в совхозе «Маяк».

Маки цветут.

Улица в колхозе «Курильский рыбак».

Залив Простор.

Курильские острова

Фото С. Фридлянда.

Вулкан Богдан Хмельницкий.

Павел Афанасьевич водит нас по своим владениям, научным «центрам» и, как ученый, влюбленный в свое дело, рассказывает обо всем с сияющими глазами. По пути он не преминет рассказать и случай из жизни станции.

Мы зашли в маленький домик, напоминающий палатку. Это радиорубка. В ней очень уютно, газовые печи создают нормальную температуру, аппаратура блестит. Я подумал: наверное, здесь нет пыли. Откуда ей взяться? Атмосферной пыли нет. До ближайшего берега земли 1 600 километров — никакой ветер «южак» не донесет ее сюда. Пыль же привозная — на материалах, на вещах,— должно быть, выдулась давным-давно пылесосом «Северный ветер».

И все же пыль неизвестно откуда, а была. Она, повидимому, сопутствует человеку, как бы он ее ни избегал, как бы далеко он ни уходил от нее.

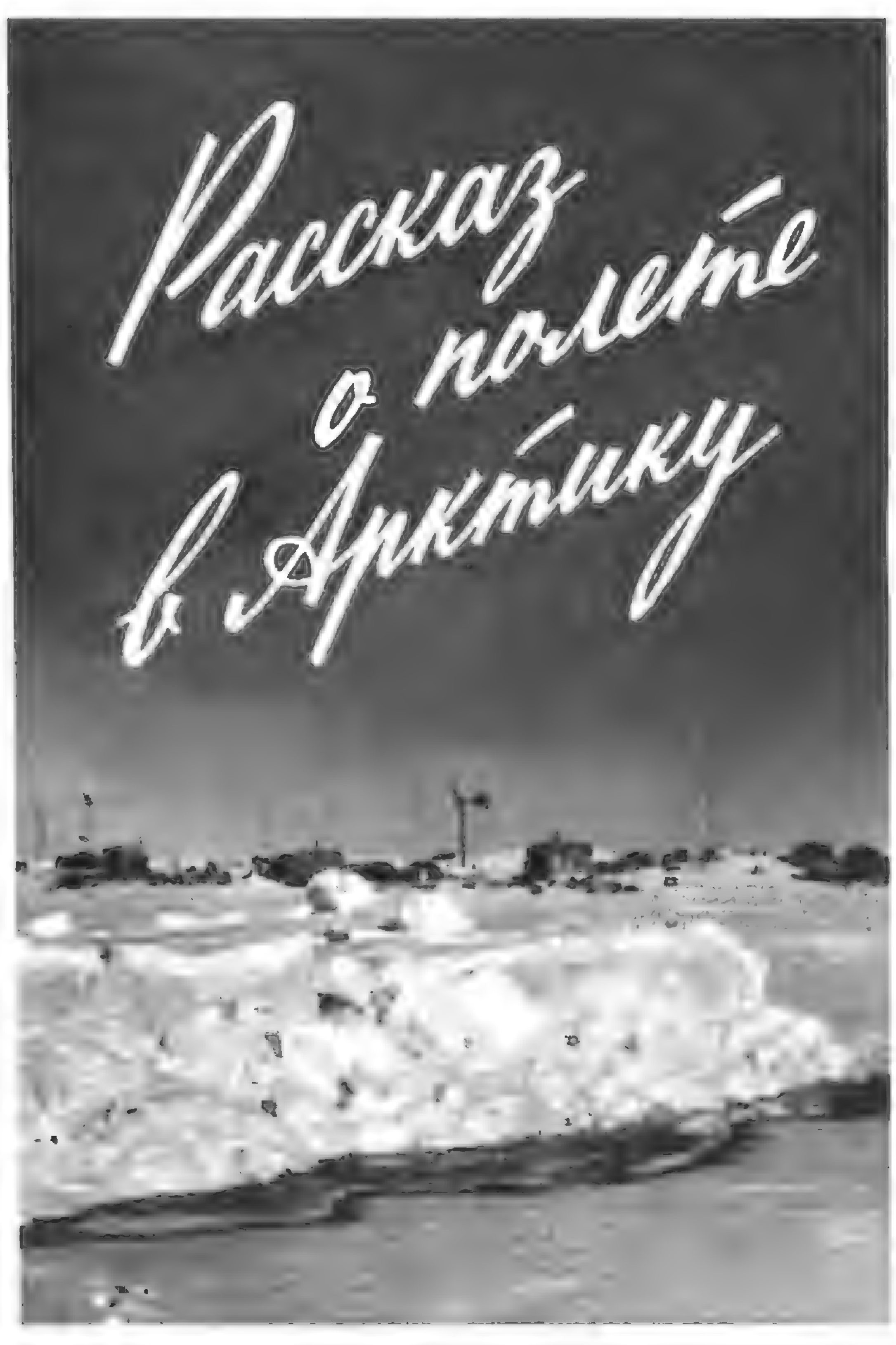
Радист сидел в наушниках. Странным казалось, что вот отсюда, из этой палатки, со льдов, окруженных разводьями, над океанской глубиной, он держал связь со всем миром. Любители-коротковолновики считали своей спортивной честью связаться с этой полюсной палаточкой — радиостанцией. Они пробивались сюда со всех точек нашей планеты и, связавшись, сообщали об этом факте в газетах на самых различных языках мира как о сенсации.

Здесь же были и миниатюрные автоматические радиостанции. Каждую из них можно легко держать на ладони. Это радиозонды с автоматической аппаратурой, которые самостоятельно фиксируют на различных высотах состояние атмосферы. Этих радиозондов и шаропилотов выпускается за год несколько тысяч.

Вот опять поднялся в воздух шар, наполненный водородом, и аэролог сидит в своей палатке с наушниками и фиксирует «добросовестную работу» микростанции, которая сообщает данные о высоких слоях атмосферы.

Эта «станция» выполнит свою роль и где-то в стратосфере бесследно погибнет. Обратно шар уже не возвращается.

В сторонке стоит черная палатка с гидрологической лункой. Павел Афанасьевич приглашает нас в этот научный «центр». Внутри лунка площадью в два квадратных метра с отвесными берегами огорожена деревянным барьером. Берега этой лунки изумрудные и сами отражают яркий мягкий свет. Этот ледовый колодец как бы фосфоресцирует. Картина настолько великолепна, что можно стоять здесь молча и часами любоваться этими красками. Здесь же стоят электромотор и лебедка с прочным тонким металлическим тросом, рассчитанным на глубину более пяти тысяч метров. Взять наблюдения с океанской глубины — дело не простое. При отличной механизации этот процесс занимает все же более 30 минут. Через эту лунку происходит и траление планктона и взятие грунта. Около палатки в специальных ящиках лежат примерно пятикилограммовые камни в виде обычного обкатанного булыжника, извлеченные со дна океана. Через эту же лунку опускаются самописцы, фиксирующие морские течения на самых различных горизонтах.

Тихон СЕМУШКИН

Фото научных работников «СП-4» и «СП-5».

На дрейфующей льдине ничто не ускользает от наблюдений человека. Здесь изучается положительно все, что выше льда до самой стратосферы и ниже льда до океанского дна, и самое дно. Актинометристы, изучающие солнечную радиацию, говорят, что здесь на один квадратный метр поступает тепла больше, чем в Крыму, но 80 процентов тепла уходит в атмосферу,

Мы обошли продовольственные склады и склады материального имущества, электростанцию, «поликлинику», как ее зовут здесь, где так поставлено дело, что у доктора есть полная возможность даже производить любые анализы.

Все эти научные учреждения, хозяйство, люди находятся в беспрерывном движении, в дрейфе.

Гордиенко привел нас в палатку, в которой размещена библиотека. Обычные книжные шкафы, стеллажи, столы, кафельная печь и газовая плитка, алюминиевая кроватка и ковровый пол. Библиотека одновременно служит и гостиницей во время прилета самолетов.

— Виктор Федорович, у наших работников есть к вам личные вопросы. Поэтому я предлагаю вам разместиться в библиотеке одному, чтобы желающие могли попасть к вам на прием, — сказал Гордиенко. — А Николай Александрович переспит на койке вахтенного радиста.

Мне выпала честь остановиться у самого начальника дрейфующей станции.

— Эх, Павел Афанасьевич, ты никогда ничего просто не делаешь! Писателя предпочитаешь. Нет бы меня к себе пригласить! — И, обращаясь ко мне, Волков в несколько иронически-добродушном тоне продолжает: — Ведь наши судьбы с Гордиенко идут все время рядом: мы одновременно юношами поехали первый раз в Арктику и затем как бы вступили в жизненное соревнование. Вместе поступили в институт, в один год защитили диссертации и даже в один день получили назначение начальниками дрейфующих станций. И вот нет бы меня по старой памяти пригласить поговорить о делах, о том, о сем.

— В самолете поговорим, — буркнул Гордиенко. — А здесь производственных совещаний у меня и так хватает. Не одичал же я совсем, есть у меня и другие интересы. А что касается «просто» или «не просто», то должен тебе сказать, друг мой, что «просто» делают только умственно неполноценные люди, — хитровато подмигнул Гордиенко.

В своем домике Павел Афанасьевич жил не один: с ним жил ледовед инженер Жаринов, которого на одну ночь он выселил к аэрологам. Площадь домика была метров десять. У задней стенки стояли одна над другой кроватки, как в купе вагона. На кроватях были отличные шерстяные одеяла, а под ними спальный мешок на гагачьем пуху.

— Легкий, — не преминул сказать Павел Афанасьевич, — пять тысяч стоит.

У окна стоял нормальный по величине стол, напротив — кафельная печь, отапливаемая углем, в углу — умывальник и здесь же внутри небольшой входной тамбур.

Словом, комната как комната, если не считать, что фундамент ее состоял вместе с постаментом изо льда трехметровой толщины и столба океанской воды в три с половиной километра.

Инженер Жаринов вошел взять свою тетрадочку ледовых наблюдений. У него был «срок».

— Возьмите меня с собой! — попросил я его.

— Пожалуйста. Только это далеко. Мои ледовые владения уходят отсюда на несколько километров.

— Зачем вам ходить? Я вам расскажу все в подробностях, — сказал Гордиенко.

— Нет, Павел Афанасьевич, личные впечатления ничем нельзя заменить. Я вот Арктику довольно сносно знаю, и когда говорили о дрейфующей льдине, казалось: подумаешь, какое дело, на такой льдине можно Москву построить, не только палатки! А теперь вот прилетел, увидел и могу честно сказать, что ваша жизнь здесь все-таки героическая.

— Ну, героическая! Обыкновенная жизнь... пока что... — промолвил он. — А если вы все-таки решаете идти с Жариновым, то вот вам мой наган.

— Зачем он мне, Павел Афанасьевич?

— Нет, возьмите, возьмите! Так полагается здесь. Мало ли что может быть! — И он повесил его на меня.

Кобура болталась на мне, как у фоторепортера аппарат, приготовленный для съемки.

Мы вышли за «околицу» и пошли на восток, перепрыгивая через снежницы, трещины и небольшие разводья.

Вслед за нами гналась вся свора псов вместе с Шельмой. Жаринов объяснил мне, что он специально их приучил сопровождать его. Никто, как ледовед, не отлучался так далеко от лагеря.

— Вы знаете, с ними охотнее, — сказал он.

Мы шли долго, пока наконец попали на его территорию. Она вся была уставлена всевозможными градуированными рейками и различными измерительными приборами. Жаринов вел наблюдения за толщиной льда, за таянием его поверхности, за подледным таянием, за температурой воды. Он сказал мне, что летом происходит интенсивное таяние поверхности льда, а зимой лед нарастает снизу, так что получается как бы «омоложение» льда.

Собаки бежали рядом, а иногда разбегались по сторонам. Повидимому, им очень нравились эти прогулки, тем более что по окончании работ Жаринов выдавал каждой из них по куску сахара.

В стороне виднелись небольшие торосы и полынья. Вдруг Цыган

Окончание. См. «Огонек» №№ 40, 41.

заскулил и с тревожным взглядом побежал в сторону станции. Он отбежал шагов триста и сел, посматривая на нас и воя. Вслед за ним убежали и еще два пса.

— Цыган, ты что это? — крикнул Жаринов.

Цыган поднялся и быстро подбежал к нам. Он виновато вилял хвостом, но, опять заскулив, побежал обратно. Шельма лежала у наших ног. В глазах ее было столько тепла, доброты и преданности!

Мы стали спускаться с тороса и вдруг услышали треск и выстрел. Жаринов остановился и сказал:

— Это лед, хотя полное впечатление стрельбы.

Пройдя шагов пятьдесят, мы оказались перед трещиной шириной немного более метра. Трещина далеко уходила и в ту и в другую сторону.

— Вы можете перепрыгнуть? — спросил меня Жаринов.

— Нет, я не могу. Я прыгну в воду.

Жаринов секунду подумал и сказал с какой-то грустью:

— Да. и Шельма не сможет. Я-то перепрыгнул бы.

— Ну, так чего же вы? — несколько волнуясь и горячась, сказал я. — Прыгайте! Надо же дать знать на станцию!

— А для чего вам Павел Афанасьевич дал наган, да и у меня есть?.. Меня сейчас не это интересует. Как Цыган почувствовал, что подходит трещина? Она издалека идет, хотя образование трещин происходит внезапно и связано с прохождением волн в подстилающей лед гидросфере... Да-а, повидимому, у собак слух все-таки совершенней. Может быть, это инстинкт? — предположил Жаринов.

— А почему же Шельма не убежала? — спросил я.

— Ну, Шельма! — махнув рукой, сказал Жаринов. — У нее один инстинкт — инстинкт материнства. Больше у нее никаких инстинктов нет.

Жаринов заговорил меня, и чувство тревоги, проявившееся вначале, исчезло, хотя трещина увеличивалась и льдина заметно шла в сторону полыньи.

— Вот бы сейчас измерить скорость! Приборов только нет, — сказал Жаринов и предложил мне дать три выстрела.

Я выстрелил трижды, что означало: прошу помощи.

В лагере тотчас взвилась ракета.

— Все в порядке. Сигнал принят, — сказал Жаринов.

— Может быть, повторить? — разошелся я.

— Нет, не нужно. Это собьет их с толку.

Через полчаса на нас опускался вертолет. Едва дверь его открылась, Шельма, проявив редкую расторопность, привычно шмыгнула первой в кабину.

Нас вертолет доставил к ужину. Все нас ждали у кают-компании и встретили не с выражением сочувствия, а с некоторой усмешкой.

— Эту трещину специально сделали для впечатлений, личных впечатлений, — сказал, улыбаясь, Гордиенко.

— Надеюсь, что теперь не будете возражать, Павел Афанасьевич, против вертолета? — спросил Бархаянов. — Как видите, факт сам за себя говорит.

— Виктор Федорович, да я и без вертолета их снял бы! — сказал Гордиенко. — Вон «ГАЗ-69», на него клипер-бот — и все в порядке.

— «ГАЗ» твой и будет буксовать на трещинках, — вмешался Волков.

— В таком случае бот можно доставить к разводью на «французе». Он на гусеницах знаешь как прыгает по ним! Да, на худой конец два человека возьмут клипер-бот на плечи и перевезут через любую полынью. Тут никаких преимуществ у вертолета нет. Побыстрей, правда, и только.

После ужина было решено перед завтрашним перелетом пораньше лечь спать.

Я пошел в домик начальника дрейфующей станции.

Павел Афанасьевич Гордиенко, тучный, кряжистый, невысокого роста, с насмешливо-добродушным лицом, коммунист, ученый-гидролог, был прежде всего симпатичным человеком. Он принадлежал к такой категории людей, с которыми в первый же день знакомства естественно, просто и легко сходишься сразу на «ты».

Он вошел в домик и привел в порядок для меня верхнюю кровать ледоведа Жаринова.

— А хочешь, ложись на нижнюю, на мою, — добродушно предложил он.

— Нет, на железной дороге я всегда предпочитал верхнюю.

— Ну хорошо. Только не будем сразу ложиться, посидим, поговорим еще.

— Павел Афанасьевич, я устал немного и от впечатлений, от прыжков, целый день на ногах, нервы взбудоражены, хочется отдохнуть.

— Ну, выпей рюмку коньяку для поднятия духа, для бодрости! Хочешь?

— Нет, я не могу.

— Ну, для сердечного разговора по единой. И я бы выпил.

— Нельзя мне, Павел Афанасьевич!

— Нельзя?! По одной-то нельзя? Одну рюмку и покойник может выпить.

Но я категорически сказал:

— Не могу.

— Ну, давай выпьем на брудершафт! Можешь ты это сделать для меня?

— Павел Афанасьевич, да мы и так уже...

— Это незаконно... Это забудется, как только переступишь порог домика. Надо брудершафт скрепить... Ну, сделай такое одолжение! — умоляюще просил он.

Мы сели за стол.

— Э, Павел Афанасьевич, так не годится! Мне коньяку, а себе цинандали.

На лице у него появилось страдание, и он, махнув рукой, сказал:

— Вот, вынужден пробавляться этим винишком.

Я заметил еще в кают-компании, что Павел Афанасьевич этот напиток пренебрежительно называл «винишком».

И, помолчав немного, тяжко вздохнув, он промолвил:

— Эх, с каким наслаждением я выпил бы сейчас рюмку коньяку вместо этого винишка! Но...

— Что «но»?

— Зарок дал...

И без всяких проволочек, повидимому, чтобы не растравлять себя, он поднял свой бокал с винишком.

— За дружбу! — чокнувшись, сказал он.

— Ты знаешь, — продолжал он, — сколько развелось проходимцев в различных местах страны! Живут в разных республиках, а поступки удивительно одинаковы... в бытовом отношении. Вот накуралесят там с женщинами, а потом и говорят им: «Я улетаю на дрейфующую станцию «Северный полюс-4».

Ищи, свищи ветра во льдах!

А эти введенные в заблуждение женщины обращаются потом ко мне: «Глубокоуважаемый товарищ Гордиенко, у вас работает мой прохвост (имярек). Поэтому вам направляется исполнительный лист, по которому вот уже несколько месяцев я ничего не получаю». А такого «имярека» у нас никогда и не было. Может быть, думаю, под псевдонимом у меня кто скрывается? Да нет! Много таких писем идет. Нашли себе место, где укрываться! Конечно, сюда не всякий доберется, а нам тут с ними морока. Вот и веди переписку. Вообще, должен я тебе сказать, корреспонденции сюда доставляется ежемесячно целый тюк. Адрес самый простой, известен всему миру, ну вот и пишут. Совета просят, как жить, как будто мы здесь во льдах апостолы какие. А вот ребячьи письма есть — замечательные. Недавно один прислал с берегов Оки.

Павел Афанасьевич копается в письмах, извлекает одно и читает с чувством:

— «Дорогой и любимый дядя Гордиенко. Простите, что не знаем, как вас зовут, в газетах этого не пишут. Мы, ребятишки, все гордимся вами. Мне очень нравится ваша работа на Северном полюсе. Потому что я и сам патриот. Этой весной во время ледохода на Оке я тоже набрал в мешок продуктов и попробовал жить на льдине, правда, чуть не потоп, хорошо что попал в торосы, а они как живые, ухо держал востро. Но не дал мне пожить в торосах милиционер. Сгнал меня оттуда.

Дядя Гордиенко, если бы вы знали, как мне хочется у вас поработать на вашей льдине. Я буду делать вам что угодно. Хотите, посуду мыть — пожалуйста, хотите, мусор носить — и это можно. Любую черную работу. Никакой зарплаты мне не надо. Кусок хлеба, и больше ничего. Только выпишите меня и сообщите подробный адрес, как к вам добраться.

С почтением известный вам Федор Ильич Веретенников, а попросту: Федька».

Гордиенко вздохнул и сказал:

— Вот видишь, я под впечатлением этого федькина письма ходил целый день. А вечером, после ужина, я задержал всех в кают-компании и прочитал им это письмо.

Все поступающие сюда письма прочесть невозможно. Пачками я раздаю каждому члену коллектива, и если что-нибудь интересное обнаруживается, то по вечерам читаем в кают-компании. А этого Федьку мне даже захотелось выписать. Но нельзя же этого делать! И я решил написать ему хороший, теплый ответ. В письме я назвал его: «Мой дорогой маленький друг!» Я объяснил ему, почему он не может поехать к нам. Я посоветовал ему учиться и, когда он закончит образование, обещал зачислить его в штат дрейфующей станции. И я тоже подписался: «Известный тебе Павел Гордиенко».

Сколько идет таких ребячьих писем! Они до такой степени бывают трогательны, ну передать невозможно!.. Давай выпьем за Федьку! А?..

— Коньяку? — Гордиенко просветлел с лица и тихо спросил: — Разве что за Федьку?.. Но ведь зарок у меня... Никому не скажешь?

— Сказать не скажу. — Мы чокнулись за Федьку.

Гордиенко встал и, взяв свою академическую шапочку, промолвил:

— Нейдет коньячок-то, отвычка... А теперь ложись, отдыхай. Ты извини меня за некоторую многословность, но пойми, что каждый прилет самолета — это у нас праздник; он выбивает нас немного из обычной, повседневной и, должен сказать тебе по секрету, не очень легкой жизни. И это сейчас, когда светло круглые сутки с апреля месяца. А спустится полярная ночь? Мрак!.. Наши предшественники темной ночью перебазировались четыре раза, а какая у нас гарантия, что нас минует чаша сия?.. Отдыхай, а я пойду посмотрю, закончил ли прием Виктор Федорович. Душевный он человек...

Я лежу на гагачьей перине и думаю обо всем, что только что сказал Гордиенко. С виду домик, в котором я лежу, стоит неподвижно, как и всякий дом на земле. Но он ведь все-таки движется. И движется порой со скоростью 20 километров в час. Может быть, и я сейчас мчусь над глубиной в три с половиной километра, как в каюте парохода? А ведь домик-то не пароход. Разорвись под ним льдина, и он быстро превратится в щепки. И мозг никак не может смириться с тем, что ты лежишь на водяном столбе в три с половиной километра. А кроме того, фундамент под домом — это не бетон, и не цемент, даже не земля. Под домом довольно рыхловатый лед.

Я притворился спящим, когда в домик кто-то вошел. Приоткрыв один глаз, я увидел Бархаянова, а следом за ним шел Гордиенко.

Хозяин подошел к моей койке и, теребя меня, сказал:

— Эй, писатель, ты что? Спать, что ли, сюда прилетел? Вставай! Сейчас повар принесет такой черный кофе с лимончиком, какого ты в жизни не пивал!

Кофе был действительно на редкость ароматный и отлично сварен. Мы сидели за столом, пили кофе из больших фарфоровых кружек, и Бархаянов стал намечать план действий на предстоящий день.

— Павел Афанасьевич, пригласи, пожалуйста, радиста, надо вызвать, из экономии времени, на ближайшую посадочную площадку начальника восточного управления Арктики Михаила Яковлева, капитана-наставника Горского и синоптика со всеми материалами последних ледовых разведок. В этом пункте мы примем их на борт нашего самолета — и прямо, не задерживаясь, к каравану. В самолете же проведем и прогностическое совещание.

— Виктор Федорович! — сказал Гордиенко. — Из синоптиков надо взять вашего тезку — Виктора Федоровича. Он отличный синоптик, а главное, ему верят капитаны.

— Хорошо, Гордиенко, спать уже не будем! Давайте команду вертолету!

Ощущение опасности всегда бы-

Так начинает подкрадываться трещина.

вает неприятно. Любители опасных положений — это в лучшем случае спортсмены, а как правило, преимущественно психически изломанные натуры.

Нормальный же человек, когда он впервые встречается с опасностью, неизбежно испытывает чувство страха. При повторении опасности чувство страха уменьшается. Если же опасность подстерегает человека на каждом шагу, то у человека вырабатывается привычка и для страха совсем мало остается места. Страх как будто исчезает.

В какой-то мере это произошло и со мной, когда мы направились на ледовый аэродром, где стоял наш «ИЛ-12». И хотя я знал, что взлетать с площадки в 600 метров не менее опасно, чем садиться, все же я шел к самолету без всяких признаков тревоги.

Вертолет поставил нас рядом с самолетом и сам откатился в сторону, не выключая мотора до нашего взлета.

«ИЛ-12» за время стоянки трижды перемещался на полюсном аэродроме. Всей своей тяжестью он опирался только на три колеса — два задних и одно переднее,— и двухметровый лед постепенно прогибался. Летчики дежурили в самолете и время от времени перегоняли самолет с места на место.

Бахмутов ходил здесь с видом победителя. Гордиенко категорически отказывал ему в четырех бочках бензина.

— Товарищ Гордиенко, сами же летите с нами. Нам надо дотянуть до земли. «Южак» тянет. Ветер-ветрило дует нам в рыло, — шуткой закончил он свой аргумент.

— Не дам. Ты о чем думал, когда летел сюда? Что тебе здесь, нобелевские баки стоят? Знаешь, какое значение для меня имеют четыре бочки бензина!

Этот сложный вопрос не обошелся без вмешательства Бархаянова, и тогда весьма неохотно Гордиенко согласился на две бочки.

— Ну ладно, хватит и этого, — согласился Бахмутов.

Перед вылетом я поинтересовался у командира по поводу нашего взлета. Бахмутов немного улыбнулся и сказал:

— Аэродром, как был, таким и остался. Я ходил тут, смотрел. На пути прямо от взлетной площадки есть такое разводье, которое в случае чего можно взять по инерции. Так мне кажется.

— А если инерция преждевременно иссякнет? Хотя земля от нас далеко, а притяжение, наверное, все равно действует? — иронически спросил я.

— Тогда винтами в ледовый берег полыньи или колесами зацепим, — сказал он с таким видом, как будто мы собирались перекинуть доску через небольшой ручеек.

Моторы уже прогрелись, и нас, как мне показалось, погнали в кабину самолета.

Самолет сорвался с места и сразу ринулся вперед, а мы молча стояли в хвосте около двух бочек бензина. Захватывало дух, и усиливалось сердцебиение.

И вдруг на лице Бархаянова я увидел сияющую улыбку, а в следующий миг он бросил:

— В воздухе!

И я понял, что и он, привыкший за многие годы в Арктике ко всяким опасностям, неравнодушно относился к нашему взлету. Должно быть, он хорошо умел подавлять свой страх и никак не проявлять его, но улыбка на лице красноречиво убеждала, что где-то и в нем в известной мере сидел страх.

— До земли часов на пять спать! — подал команду Бархаянов.

Самолет летит над льдами. Не спят лишь командир корабля Бахмутов, штурман и один механик. Каждый из них отвечает только за свое дело. Не спит также и начальник обсерватории — гидролог: он ведет наблюдение за льдами, начиная от дрейфующей станции и до береговой полосы на земле, и зарисовывает ледовые поля.

Мы не спим, а дремлем. И кажется, мы долго, долго летим. Наконец слышится голос штурмана:

— Подъем! Через тридцать семь минут идем на посадку.

Гордиенко протер глаза, встряхнул головой и, полусонный, довольно неуклюже направился в хвост. Проходя мимо бочек, он потрогал их и, убедившись в том, что они полны бензина, покачал головой и вернулся в салон. Обращаясь к Бархаянову, он сказал:

— Что я вам говорил, Виктор Федорович? Бочки-то целехоньки, а земля — вот уже рукой подать.— И, поглядев на спину командира, сидящего за рулем, добавил: — А выцыганивал четыре!

— Ничего, Павел Афанасьевич, запас карман не тянет, — ответил Бархаянов и спросил: — А что нам скажет дежурный гидролог?

Гидролог с тетрадочкой в руках подошел к штурманскому столу, за которым сидели Бархаянов, Волков, Гордиенко, и стоя начал докладывать:

— Ледовая обстановка в районе дрейфующей станции «СП-4» на сотни километров легкая. Сплоченность льда оценивается в 7—8 баллов.

— 25—30 процентов чистой воды, — прервал его Бархаянов. — Вот бы нам на трассе такую обстановку!

— По мере нашего приближения к земле, — продолжал гидролог, — лед все больше и больше уплотнялся. А здесь, вон посмотрите, появилась огромная торосистость, и по пути встречаются целые горы нагромождений льда.

— Если проанализировать, — вмешался Гордиенко, — всю циклоническую деятельность последних двух месяцев, то мы легко убедимся в том, что во всем этом нет никакой неожиданности.

— Абсолютно согласен, — добавил Волков. — Меня сейчас интересует пролив Лонга в связи с проводкой каравана судов. Неужели обстановка там хуже, чем здесь? Ведь, посмотрите, мы подлетаем к земле, и такие паковые льды.

— В том-то и дело, — говорит Бархаянов,— что паковые льды в этом году нарушили обычную свою границу, расположенную выше острова Врангеля на 200—300 километров, и пришли, что называется, в гости к берегу. Я уже предварительно знакомился с результатами ледовых разведок. В районе Лонга, на трассе Северного морского пути, вы увидите не менее мощные образования паковых льдов. Они сцементированы годовалой сморозью и являются главным препятствием для продвижения каравана судов. Эта сморозь даже при отжимных, преобладающих в это время года южных ветрах, став поперек заприпайной полыньи, не дает возможности пройти даже ледоколам. Поля такой сморози достигают десятков километров.

Штурман доложил, что фактическая скорость самолета ниже расчетной. Навстречу дует юго-восточный ветер такой силы, что самолет сбивает с курса. Горючее на исходе, и механикам предложено слить в баки бензин из бочек.

Все посмотрели на Гордиенко, а он сказал:

— Да, за такой отжимный ветер я не пожалел бы и пяти бочек.

Бархаянов от сообщения штурмана просиял и, обращаясь к Волкову и Гордиенко, сказал:

— Вы как кудесники: прилетели на трассу, и сразу подул благоприятный ветер.

— Если так он будет работать на поверхности воды и льда, как здесь на высоте, — сказал Волков, — он нам, безусловно, очистит трассу, совершенно изменит ледовые условия, и это явится началом движения каравана.

Самолет идет на посадку. Сюда вызваны работники из управления морскими операциями востока Арктики.

Я испытываю ощущение необычайной радости. Самолет резво бежит по земле и может бежать здесь сколько ему угодно.

Бархаянов выходит из самолета и дает распоряжение немедленно заправить бензином полностью все баки и сразу же вылетать на кромку льдов.

— Виктор Федорович, — обращается командир Бахмутов, — если в полете предполагается находиться долго, нужно взять бензина дополнительно бочек шесть.

— Летать будем до тех пор, пока не выведем караван судов. Долго будем летать.

К самолету подбежал автомобиль, из которого вышли начальник морских операций Востока Яковлев, уже пожилой, лет под шестьдесят, с сильной проседью человек, ледовый капитан-наставник Горский с волевым, энергичным лицом и известный по всему Востоку синоптик Виктор Федорович.

Здороваясь с ними, Бархаянов говорит:

— Что же вы держите корабли, товарищи? Сколько времени можно стоять у кромки?

— Мы полагаем так, Виктор Федорович, — начал капитан-наставник Горский. — Содержание одного ледокола в сутки определяется в сто тысяч рублей, а если очертя голову бросаться в атаку непреодолимой крепости, капитальный ремонт одного ледокола будет стоить миллионы рублей. И, главное, без результатов для нашего дела. А транспортные суда хотя тоже сто́ят в сутки тысяч двадцать...

— Семнадцать, — поправил его Бархаянов.

— Ну, семнадцать. Их тоже не имеет смысла ломать. Мы недавно вышли из терпения и попробовали форсировать льды, но это ни к чему не привело, то есть привело: полетел один винт на ледоколе. Ледокол за вахту продвигался не более чем на один корпус. При таком положении пробивать двадцатимильную перемычку было бессмысленно.

— И мы вынуждены были, — сказал Яковлев, — отменить наше распоряжение. Вот и стоим, ждем вашего прилета. Здесь, на побережье, и так уже шутят: прилетит Бархаянов, начнется отжимный ветер. Вы знаете, так оно и получилось, — улыбаясь, закончил Яковлев.

— Надо уметь во-время прилететь, — тоже с улыбкой заметил Бархаянов и, обращаясь к Горскому, спросил: — А как, Михаил Владимирович, с винтом?

— Вы знаете, запасной поставили. На плаву поставили.

— Молодцы! Ну что же, товарищи, — на самолет и на кромку. Совещание проведем над караваном судов.

Яковлев вынул часы-луковицу «Павел Буре» и, глядя на них, сказал:

— У меня есть другое предложение: сейчас пообедать, тем временем подлетит Жгутов, и мы получим самые последние результаты ледовой разведки.

— Да, это очень важно, — согласился Бархаянов.— Давайте подождем его. А на всякий случай, чтобы он не увлекся разведкой, дайте ему указание немедленно вернуться.

— Уже это сделано, — сказал Яковлев.

— Добро, тогда поехали обедать.

...Караван судов, возглавляемый флагманским ледоколом, растянулся вдоль кромки льдов на несколько миль.

На восток от кромки, откуда пришли корабли, мелкобитый лед, а за ним чистая вода. На запад, куда идут корабли, сплошные паковые льды и нагромождения торосов, преградившие путь каравану.

Некоторые корабли стоят на ледовых якорях, заведенных на прочные льдины. Незримо корабли дрейфуют на северо-запад вместе с ледовыми полями.

Трубы слабо дымят: на судах еле-еле поддерживается пар. Весь караван напоминает больного, прикованного к постели. На флагмане капитан Виктор Ананьевич Ляхов ждет «консилиум», который окончательно должен поставить «диагноз» и решить, куда следовать каравану.

Флагманский ледокол стоял под всеми парами и «утюжил» лед. Он давал полный вперед, стопорил, и тотчас же слышалась команда: «Задний ход». Так он «танцевал», как разгоряченный конь, которому не стоялось, и переминал под собою лед. Одно транспортное судно прижало льдом к кромке, заклинило винт, и оно потеряло управление. Капитан спешно дает четыре коротких гудка, означающих: зажат льдами, прошу помощи.

Флагман с ходу идет к нему и берет его на буксир.

Наш воздушный корабль сбрасывает высоту и идет прямо на караван. В этот момент арктический воздух одновременно оглашается гудками всех судов. Что-то могучее и в то же время трогательное в этой симфонии гудков. Эти гигантские металлические корабли как будто просят помощи.

Самолет заходит вторично на караван, и Бархаянов радирует капитану Ляхову: «Мы обследовали южную перемычку. Сейчас уходим к северной, где, по данным ледовой разведки, перемычка более мощная, но за ней ледовые поля 7—8 баллов, допускающие проводку судов. Через два — три часа вернемся. Бархаянов».

Самолет уже восемь часов над льдами. Он делает зигзагообразные маршруты, уходит на сотни миль по предполагаемому курсу каравана.

Вся площадь льдов: кромка, перемычки, полыньи — гидрологами нанесена на карты.

У штурманского стола стоят Бархаянов, Гордиенко, Волков, Яковлев, Горский.

Синоптик Виктор Федорович раскладывает свою карту и, показывая карандашом, говорит:

— Прорвавшиеся с Берингова моря потоки теплого воздуха не будут устойчивыми. Юго-восточный ветер, сильный в верхних слоях, на поверхности льда не более 4—5 метров в секунду. Он не может сильно изменить ледовую обстановку. И, наоборот, я думаю, что в ближайшие два дня обстановка здесь ухудшится. Надо выводить отсюда караван.

— Сплоченность льда зависит не только от направления ветра,— говорит Гордиенко.— Моя станция делала причудливые петли, дрейфуя на север при чистых восточных ветрах. Здесь, на трассе, такое же положение. Главное, есть куда отходить льду.

— Я не согласен, Павел Афанасьевич,— вмешивается Волков.— Куда ему отходить, когда ледяному массиву преграждают путь острова Геральд и Врангель! Я рекомендую начать движение немного севернее, там лед 8—9 баллов, а вот здесь караван сделает зигзаг, — и, показывая карандашом на карте, продолжает: — Отсюда караван пройдет немного на юг и, лавируя среди полей, выйдет на разрежение.

Гордиенко сердито махнул рукой и, отойдя от стола, из угла салона говорит:

— Николай Александрович, что тебе караван — швейная игла или челнок? Попробуй разверни такую махину! Смотри, как вытянулся караван, ему конца не видно даже с самолета.

— Чудак ты, Павел, караван-то не с одним ледоколом. В кильватере между транспортами еще два ледокола.

— Надо начинать движение, товарищи, надо решать этот вопрос сейчас же,— говорит Бархаянов.— В Арктике нет идеальных условий для плавания. Надо идти на риск. Надо воспользоваться этим отжимным ветром и не ждать ухудшения обстановки.

— Разрешите мне, — попросил Горский и ухватился руками за стол на крутом вираже. — С тех пор, как стал здесь караван, я ежедневно вылетаю сюда на разведку. Всю эту обстановку я изучил достаточно хорошо и считаю, что в доводах и Гордиенко и Волкова есть резон. Но давайте еще повнимательней посмотрим обстановку пролива Лонга.

Самолет берет курс в пролив. Споры на время утихают, и все опять наблюдают за льдами...

И, наконец, после десятичасового совещания в воздухе все приходят к единодушному заключению, и Бархаянов, следуя ему, принимает решение начать движение каравана южнее полей многолетних сморозей, ввести караван в полосу мелкобитого льда, а затем выйти в семибалльное разрежение.

Самолет опять над караваном.

Бархаянов приглашает радиста и диктует радиограмму капитану Ляхову: «С момента получения этого распоряжения вы должны, как лидер каравана, обеспечить проводку судов, не допуская каких-либо повреждений их. Соблюдая основной принцип непрерывного движения каравана, не следует злоупотреблять скоростью во время туманов и плохой видимости. В этом случае не превышайте скорости 3—4 узлов. В ваше личное распоряжение выделяется два дежурных самолета ледовой разведки с опытными гидрологами. Как показал опыт предшествующих навигаций, вам настоятельно рекомендуется, не боясь, вести суда в обход скопления льдов».

— Виктор Федорович, надо дать ему указание, чтобы без особой надобности ледоколы не вступали в борьбу со льдами,— предложил Яковлев.

— Правильно, — сказал Бархаянов и опять диктует:— «Без крайней необходимости не форсируйте тяжелые льды, а обходите их, максимально используя разводья, каналы, трещины, даже если они уводят в сторону от курса. Следите за нами. После прощального круга над флагманом ложимся на ваш курс. Желаю счастливого плавания. Бархаянов».

Корабли каравана уже стояли под всеми парами, готовые к походу. Из труб валил густой дым и длинными черными лентами тянулся на северо-запад, по предстоящему курсу кораблей. Дым как бы накрыл ледовые поля.

Едва самолет закончил прощальный круг над флагманом и взял курс над мелкобитым льдом, как корабли один за другим тронулись, давая прощальные гудки. Линейный флагманский ледокол преодолел кромку ледяного барьера и вошел в мелкобитый лед, оставляя за собой канал, в который торопливо входили транспортные суда. Но канал быстро закрывался, и тогда вступал в бой второй ледокол, очищая путь для следующих транспортов. А затем, по мере надобности, вступал в дело и третий ледокол.

Караван растянулся в одну линию, струи дыма из труб сплелись в одну общую мощную струю, прикрывая корабли. С самолета казалось, что все суда, окруженные льдами, уже зажаты и остановились. Но они шли со скоростью 7—8 узлов и пробивались к разрежению.

Через два часа мы оставили караван и ушли к берегу на посадку. А над судами уже барражировал дежурный самолет — «глаза капитана», как называют моряки полярную авиацию.

Под нами земля. Мы идем на снижение. Как все-таки каждый раз, в особенности после продолжительного полета, бывает приятно, когда самолет бежит по земле!

Бортрадист подает Бархаянову радиограмму: «Бархаянову — вышли на генеральное разрежение — Ляхов».

— Поздравляю вас всех, товарищи, навигация началась! Все, Иннокентий Григорьевич,— пожимая руку командиру, говорит Бархаянов.— Благодарю. Теперь у нас задача легче. Завтра в 17 часов я должен быть в Москве на коллегии министерства. Будем?

— Если часика два дадите отдохнуть на Диксоне, будем,— ответил Бахмутов.

* * *

Когда я просмотрел последние листы гранок моего «Рассказа о полете в Арктику», неожиданно передо мной встал вопрос: а какова же дальнейшая судьба каравана?

Я позвонил в Морское управление, и мне сообщили: караван достиг цели. И так как время еще позволяло, многие корабли этого каравана пошли вторым рейсом.

Москва — «Северный полюс-4».
Август — сентябрь 1955 года.

Встреча друзей двадцатилетней давности. Начальник «СП-5» Н. А. Волков (справа) и Т. З. Семушкин.

ЛОШАДЬ

Рассказ

Сунао **ТОКУНАГА**

Я люблю лошадей.

В особенности славными кажутся мне рабочие лошадки. А вот этих, поджарых, с расчесанными гривами лошадей, предназначенных для прогулок элегантных господ, я терпеть не могу. При виде их я почему-то чувствую себя униженным.

Бывают порывистые лошади; иногда встречаются нервные, почти дикие. Но все равно я люблю и таких. Все они хороши — и жалкие, замученные, и веселые, игривые, и горделиво непокорные!

Мне нравится смотреть на лошадей, выпущенных в поле. На свободе в них появляется что-то особо привлекательное. Таких лошадей не увидишь в городе.

Глаза у лошади крупнее, чем у любого другого животного: большие, синевато-черные.

Когда измученная, усталая лошадь бредет по бесконечно длинной дороге, глаза у нее полуприкрыты ресницами; и вдруг вы видите, как эти ресницы чуть вздрагивают и крупная капля-слеза неожиданно увлажняет конские глаза...

Когда я вижу, как плачет лошадь, у меня самого невольно навертываются на глаза слезы...

Помню, мне было тогда четырнадцать, братишке моему — одиннадцать лет. Обычно мы помогали отцу на работе, но на этот раз случилось так, что отец заболел, и нам с братом приходилось управляться с лошадью одним.

Однажды нам с вечера нагрузили полную повозку ящиками с мороженой рыбой. Мы должны были доставить эту рыбу к утру в городок Уэги, почти за двадцать пять километров от нашего местечка.

Лошадь у нас была гнедая, лет восьми. Мы шагали рядом с повозкой, я держал вожжи, братишка нес фонарь.

Когда мы выехали в поле, мне показалось, что брат устал; я посадил его на ящики, которыми была нагружена повозка, а сам продолжал шагать рядом, время от времени мурлыча себе под нос песенку.

Вечер был темный, на небе ни звездочки. Бескрайняя равнина пустынна и молчалива. У городских ребят, пожалуй, не хватило бы храбрости отправиться одним в такую дорогу, но мы привыкли ездить здесь с отцом и не чувствовали особого страха.

Мы проделали уже около двенадцати километров, когда начал накрапывать дождик. Я разбудил заснувшего братишку, и мы накрыли ящики брезентом.

Оба мы не на шутку встревожились. Накануне тоже лил дождь, и мы беспокоились, удастся ли нам благополучно миновать перевал.

Не успели мы проехать Иппоммацу, как хлынул ливень.

— Вот беда! — Всерьез озабоченный, я остановил лошадь, накрыл ее рогожей, чтобы она не простудилась, и, подняв голову к темному небу, пытался определить по движению туч и направлению дождевых струй, надолго ли зарядил дождь.

С юга и запада с огромной скоростью надвигались тяжелые, черные тучи, быстро застилая сравнительно светлые участки неба. Я вспомнил, как учил определять погоду отец, и понял, что ливень будет продолжительный.

Не прошло и нескольких минут, как наши куртки промокли насквозь. У нас был отцовский плащ из промасленной ткани, один на двоих. Согнувшись, оберегая от дождя зажженный фонарь, я накинул этот плащ на братишку.

Продолжая тревожиться в душе, я все-таки решил не падать духом, потрепал лошадь по холке и двинулся вперед, время от времени покрикивая на животное.

Дорога постепенно поднималась в гору.

Больше всего меня тревожило, что от дождя развезет дорогу. Только тот, кому случалось сопровождать тяжело груженный воз, сможет понять меня, если я скажу, что в ту минуту ничто на свете не беспокоило нас с братом так, как эта трудная, раскисшая от дождя дорога.

А дождь лил все пуще. Время было летнее, но уже наступила ночь, и холод пробирал до костей.

Лошадь тоже, как видно, устала. Она все время поворачивала ко мне голову, тыкаясь мордой то в мое плечо, то в лицо, и часто спотыкалась.

Однако было ясно, что дождь зарядил не на один час, дорога с каждой минутой становилась хуже и хуже. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как спешить вперед. Я вел лошадь под уздцы, время от времени похлопывая ее по спине.

— Слезай с повозки и шагай рядом! Согреешься! Нечего рассиживаться! — прикрикнул я на братишку.

Он слез и довольно бодро зашагал по скользкой, грязной дороге. Ноги его увязали в грязи, и в конце концов он поскользнулся и нечаянно погасил при этом фонарь.

— У, чтоб тебя! Зевай больше! — Чувствуя, что поступаю нехорошо, я, не владея собой, изо всей силы ударил братишку ногой.

Наконец мы приблизились к тому месту, которого больше всего боялись. Примерно километра за три до подъема я остановил лошадь и дал ей перевести дух.

— А проедем? — с опаской спросил меня братишка. С ног до головы забрызганный грязью, он крепко прижимал к груди фонарь.

— Пустяки...— Я старался говорить как можно более бодро. Затем я вытащил из повозки серп, срезал при свете фонаря немного травы и поднес ее лошади. Как видно, она очень измучилась, потому что захватила губами траву, но жевать не стала, легла на землю, тяжело переводя дыхание.

— Смотри, она совсем выбилась из сил,— сказал братишка, увидев, что лошадь не берет траву.

Мы решили отдохнуть, уселись на ящиках и закусили рисовыми лепешками и маринованной редькой. Редька вымокла и стала совершенно безвкусной, тем не менее мы ели с аппетитом.

Дождь как будто немного приутих, и я снова взял вожжи. Братишка подобрал валявшийся на дороге кусок бамбука и, вооружившись им, подошел к лошади с другой стороны.

— Ну, вставай, милая! Теперь поработаем, слышишь?

Я потрепал лошадь по шее, и она, мотнув головой, как будто утвердительно кивнув мне в ответ, поднялась с земли, упираясь передними ногами.

— Давай! Давай!

Я привязал вожжи к оглобле, а сам пытался помочь, подталкивая повозку сзади. Братишка бежал рядом с лошадью, похлопывая ее по крупу.

Дорога была ужасная. Жидкая грязь доходила до ступицы колеса. Стоило нам уклониться чуть влево, как мы рисковали свалиться с обрыва высотой в несколько метров; внизу, под обрывом, чернели похожие на болота заливные рисовые поля.

— Ну, еще! Еще немножко! — повторял я, но все мы: и я сам, и братишка, и лошадь — к этому времени окончательно выбились из сил.

— Давай! Давай! — в отчаянии кричал я.

Видно было, что лошадь напрягает все силы, но грязь как будто держала повозку мертвой хваткой — она не двигалась с места.

Ящики с рыбой, которые мы везли, нужно было до наступления утра доставить торговцу: если мы опоздаем, товар будет ему не нужен.

Повозка чуть дрогнула.

— Пошла! Н-о-о! Пошла! — Братишка, плача, бил лошадь бамбуковой палкой.

Мы были уже почти на вершине холма, когда лошадь остановилась. Подогнув передние ноги, она улеглась в грязь. Нужно было разгрузить повозку, но ящики были настолько тяжелы, что мы не могли с этим справиться.

— У, скотина! Поднимайся, тварь! — Вне себя я принялся дергать лошадь за гриву. Но она только чуть повернула ко мне голову, даже не пытаясь подняться.

— Ой, что будем делать? — Братишка, совсем оробев, уселся прямо в грязь, все еще прижимая к груди фонарь.

Свет фонаря осветил морду лошади — большие глаза ее были полны слез. Увидев эти слезы, я больше не мог сдерживаться — мы с братом обхватили шею лошади и громко, в голос, заплакали.

Час спустя нас выручили знакомые грузчики, тоже направлявшиеся в Уэги, и мы наконец преодолели перевал...

...Да что говорить, какое еще найдется животное, такое же честное и работящее, как лошадь? Я и сейчас всегда с каким-то особенно теплым чувством смотрю, как лошадь тянет нагруженный поклажей воз.

Лошади умеют не только плакать. Часто они смеются. Но такие веселые, беспечные лошади — большая редкость здесь у нас, в Токио...

Перевела с японского **Н. ЛЬВОВА.**

Сунао Токунага (родился в 1899 году) — известный современный японский писатель, активный участник прогрессивного литературного движения. В прошлом рабочий-печатник, Токунага изображает в своих произведениях жизнь трудового народа Японии. На русский язык переведены его романы «Улица без солнца» (1932 год), «Токио — город безработных» (1934 год) и «Тихие горы» (1952 год).

Рассказ «Лошадь» помещен в сборнике рассказов С. Токунага, изданном в Токио в 1954 году.

ЗА ОКЕАНОМ

Н. БОГАЧ,
Герой Социалистического Труда, директор Котовской МТС Одесской области

О поездке советской сельскохозяйственной делегации в Соединенные Штаты Америки можно рассказывать много и долго. Но вместо того, чтобы рассказывать, я использую фотоснимки, которые там сделал. Правда, фотолюбитель я молодой и в нашей эмтээсовской горячке фотографировать приходится редко, но в поездке «пощелкал» я своим «Зорким» немало — сделал более полутора тысяч снимков. Американские журналисты, увидев, что я много снимаю, предложили мне проявить пленку с тем, чтобы я разрешил им опубликовать некоторые фотографии. Я согласился, и в американских газетах появились мои фото под заголовком: «Что снимают русские».

Что же я снимал? Прежде всего и больше всего так волновавшие нас встречи с простыми людьми Америки. Американские газеты подсчитали, что мы проехали по 12 штатам 19 тысяч километров, выпили 800 литров лимонада, присутствовали на 29 завтраках, обедах и приемах и т. д. Но главная цифра осталась неподсчитанной — со сколькими людьми мы встретились. Я думаю, что нас встречали, приветствовали, с нами разговаривали многие десятки, если не сотни тысяч американцев и канадцев, желавших узнать правду о советских людях.

Вы видите на снимке толпу людей, окружившую наш самолет,— так всегда бывало на аэродромах, куда бы мы ни прилетали.

Выйдя из самолета, мы, несмотря на старания администрации, сразу же попадали в «плен» жаждавших поговорить с «этими русскими» (фото 1). Чтобы всем было слышно, о чем мы

1

2

3

4

5

6

7

8

разговариваем с теми, кому удалось пробиться поближе, за нами обычно следовала машина с громкоговорителями.

Мы беседовали с владельцами небольших ранчо (фото 2), с крупными фермерами-бизнесменами. Встретиться с «совет рашен» — советскими русскими — приходили и седовласые старушки (фото 3) и школьники (фото 4), заставлявшие нас вспоминать своих детей и думать о том, как похожи друг на друга ребята всех континентов мира.

Встречаясь с нами, американцы убеждались, что их объединяют с советскими людьми одни и те же стремления: как повысить урожай, как поднять продуктивность скота, как облегчить труд земледельца. Встречи эти немало способствовали сближению двух великих народов. Наша поездка в США совпала по времени с Женевским совещанием. «Дух Женевы» был удачно подкреплен «духом Айовы» — гостеприимного штата, по приглашению которого мы и совершили нашу поездку.

Я заснял и тех, кто фотографировал нас,— американских фотокорреспондентов (фото 5). В течение всей поездки нас сопровождали десятки корреспондентов газет, телеграфных агентств, радио-, теле- и кинокомпаний. Благодаря им о подробностях нашей поездки, о теплых встречах, которые повсюду устраивались советской делегации, знала вся Америка. Нужно сказать, что в общем пресса писала о нас в благоприятном тоне. «Это потому,— говорили нам корреспонденты,— что вы дружите с нами». «Дружить» с корреспондентами означало не уставать давать им интервью, отвечать на их вопросы, не возражать против бесконечных съемок. Но, конечно, доброе отношение к нам прессы было вызвано причиной более глубокой, чем дружба с корреспондентами. Оно диктовалось теми чувствами дружелюбия к советским людям, которые стихийно и, по признанию некоторых американских газет, столь неожиданно проявлял к нам американский народ.

Снимал я и оригинальные сельскохозяйственные машины, агротехнические приемы, которые можно использовать в нашей стране. Американские фермеры охотно делились своим опытом, специально для нас демонстрировали некоторые машины в действии. Вот, например, снимок, сделанный на одной из ферм (фото 6). Здесь нам продемонстрировали интересную укладку силоса на поверхности. При этом способе не нужно ни возводить башни, ни рыть траншеи. Зеленая масса укладывается на землю между щитами и трамбуется тракторами. Скот поедает силос прямо через решетку ограды, которая передвигается по мере скармливания массы.

На другом снимке (фото 7) — электротрактор. Но, как видите, к нему нет никакой подводки. Двигатель вращает вал динамомашины, смонтированной на самом тракторе. Электроэнергия передается на прицепные машины, на любые стационарные установки, оборудованные электромоторами. Такой трактор весьма удобен для эксплуатации.

В свободное от посещений ферм, заводов, институтов время мы знакомились с достопримечательностями страны. Мой фотоаппарат запечатлел нашу поездку на катере по Гудзону (фото 8), посещение знаменитого Капитолия в Вашингтоне (фото 9), экскурсию к Ниагаре. Мы видели много величественного и прекрасного, любуясь картинами природы и созданиями рук человеческих.

Наша поездка показала, что американский народ хочет жить в мире и дружбе с нами, что этот изобретательный, смелый, предприимчивый народ хочет дружбы с советскими людьми. Об этом, мне кажется, и говорят мои любительские снимки, сделанные за океаном.

5000 МЕТРОВ

В. ВИКТОРОВ

Можно смело утверждать, что в истории легкой атлетики самая яркая, самая волнующая ее глава создается в наши дни и связана она с борьбой выдающихся бегунов разных стран за мировой рекорд в беге на пять тысяч метров.

Первый мировой рекорд на эту дистанцию был зарегистрирован в 1897 году, когда француз Тукуе пробежал пять тысяч метров за 16 минут 34,6 секунды. Только через четыре года англичанину Боннету удалось улучшить этот рекорд на 1 минуту 14,6 секунды, а в следующем году его соотечественник Робертсон сбросил с мирового рекорда еще 18,8 секунды.

После этого в течение 10 лет никому не удавалось улучшить мировой рекорд английского стайера, но затем пальма первенства на 30 лет перешла к спортсменам Финляндии. Колехмайнен, Нурми, Лехтинен последовательно добивались все более высоких результатов, и в конце концов в 1939 году финн Меки довел мировой рекорд до 14 минут 8,8 секунды.

И вот наконец нашелся бегун, который смог перевалить через рубеж 14 минут. В 1942 году швед Гундер Хегг пробежал пять тысяч метров за 13 минут 58,2 секунды.

Тогда этот результат казался феноменальным, неповторимым, и, действительно, год проходил за годом, а никому не удавалось даже приблизиться к рекорду Хегга. Кончилась война. Выросло новое спортивное поколение. Появился на беговой дорожке чехословацкий бегун Эмиль Затопек, затмивший вскоре своей славой успехи бывшего рекордсмена в беге на пять тысяч метров финна Пааво Нурми, но и он не мог перекрыть результата, показанного шведом. В 1952 году, выступая на XV Олимпийских играх в Хельсинки, Затопек добился победы на трех дистанциях, в том числе и в беге на пять тысяч метров. В его боевом списке к этому времени числилось уже четыре мировых рекорда, его называли лучшим бегуном всех времен и народов, но рекорд Хегга попрежнему оставался незыблемым.

В конце концов многие стали считать, что улучшить этот результат невозможно, что это вне предела человеческих сил... Но вот наступило лето 1954 года, и одно за другим последовали события, привлекшие к себе внимание любителей спорта всего мира.

Эмиль Затопек, выступая на международных соревнованиях в Париже, пробегает пять тысяч метров за 13 минут 57,2 секунды. Рекорд Хегга бит на целую секунду. А через три месяца советский бегун Владимир Куц бьет рекорд Эмиля Затопека в Берне на первенстве Европы по легкой атлетике. Он проходит пять тысяч метров за 13 минут 56,6 секунды.

События стремительно развивались. В Лондоне 13 октября Кристофер Чатауэй в борьбе с Владимиром Куцем устанавливает новый мировой рекорд — 13 минут 51,6 секунды. В Праге 23 октября Владимир Куц встречается на беговой дорожке с Эмилем Затопеком и улучшает время Чатауэя еще на четыре десятых секунды. И, наконец, в Будапеште, уже в сентябре нынешнего года, молодой венгр Шандор Ихарош перекрывает время Куца также на четыре десятых секунды.

Кристофер Чатауэй, находившийся в то время в Москве, сокрушенно заявил: «Нелегко будет превзойти рекорд Ихароша...» Проходит еще несколько дней. Владимир Куц проездом в Белград, где он вместе со своими товарищами должен был принять участие в крупных международных соревнованиях, побывал в Будапеште. На стадионе во время тренировки он встретился с Ихарошем и, поздравив с успехом молодого спортсмена, сказал ему: «У меня разработан рекордный график. На дорожке белградского стадиона я буду пытаться бить ваш рекорд».

Это был поистине дерзновенный план. К тому же Куц проболел несколько месяцев и вышел на беговую дорожку только в июле. Но таков уж Владимир Куц, человек несгибаемой воли и неистощимого трудолюбия. Как оказалось, он упорно тренировался после болезни, сперва один у себя на родине, в Сумской области, а затем с товарищами — во Львове и в Москве. Бегун сумел не только восстановить свою форму, но и шагнуть еще дальше вперед по тернистой тропе мастерства. Во Львове Куц на дистанции десять тысяч метров показал второй результат в мире после Затопека. И вопреки всем прогнозам многих знатоков, утверждавших, что Куц в беге на пять тысяч метров уже ничего не сможет добиться, он подготовился к новому штурму мирового рекорда.

Куц разработал график бега, конечный результат которого должен был равняться 13 минутам 48 секундам. И вот Белград. Вечер 18 сентября. Стадион Народной армии, заполненный зрителями, пришедшими посмотреть на выступления легкоатлетов СССР, США, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии. На старте три бегуна: Куц, венгр Берта и югославский бегун Штритоф. Бег начался. Пущены судейские секундомеры. Пустил свой хронометр и государственный тренер Г. Коробков. У него в руках листок, на котором столбцом записан ряд цифр. Это секунды и минуты, в которые должен уложиться Куц, чтобы осуществить свой замысел. В его основе железная последовательность, тончайшее чувство времени, неисчерпаемая выносливость, несгибаемая воля.

Пройдены первые триста метров, и Куц смело выходит вперед. Пройден первый четырехсотметровый круг, и Коробков сообщает Куцу, что он прошел этот отрезок дистанции не в 64 секунды, как это было намечено по графику, а в 63. Два круга пройдены за 2 минуты 9 секунд. Четыре круга — за 4 минуты 22 секунды, все еще на секунду лучше графика.

Секундная стрелка невозмутимо, четко, неустанно скользит по кругу циферблата, и, словно связанный с ней невидимой нитью, так же невозмутимо, четко и легко бежит по кругу стадиона Владимир Куц. Его соперники не выдержали невероятного темпа, и Куц один рвется вперед сквозь сгустившийся вечерний туман, который не могут пробить лучи прожекторов.

Нелегко ему выдерживать график. Не хватает дыхания, тяжелеют ноги, и два километра пройдены за 5 минут 31 секунду. Завоеванная в начале бега секунда потеряна, потеряна еще одна. Но пройдена еще тысяча метров, и Куц уже идет вровень со своим графиком. «Три километра — 8 минут 17 секунд»,— записано на листочке Коробкова. Куц опережает время, показанное Ихарошем на этом отрезке дистанции, на 6,2 секунды. Но впереди еще два километра, почти половина дистанции. Впереди главные трудности, и это понимает бегун, об этом не забывает его тренер. Все нарастает и нарастает волна ободряющих криков с трибун, а когда становится известно, что четыре километра пройдены за 11 минут 5 секунд, гул стадиона заглушает голос Коробкова, сообщающего Куцу, что он идет секунда в секунду по намеченному ими плану.

Последний километр. Решающие два с половиной круга. К этому моменту Куц выигрывал у Ихароша 4,6 секунды. Это много. Это очень много, но как легко растерять эти секунды на том неоглядном пространстве, которое все еще отделяет бегуна от финишной черты! В ответ на эти сомнения Куц еще наращивает скорость. Он проходит последний километр за 2 минуты 41,8 секунды, на 3,2 секунды быстрее первого пройденного им километра. График превышен. Бегун обогнал самого себя. Пять тысяч метров пройдены за 13 минут 46,8 секунды. И когда об этом объявляет диктор, трибуны вспыхивают тысячами огней. Это зрители, сделав из газет факелы, огненной овацией приветствуют успех советского спортсмена.

Потухли факелы, но аплодисменты разгорались все с новой и новой силой. Двадцать пять минут длилась овация в честь замечательного бегуна, а потом толпа подхватила его на руки и унесла с беговой дорожки.

Всего десять дней продержался рекорд Чатауэя, когда английский бегун победил Куца в Лондоне. Всего одну неделю прожил и рекорд Ихароша.

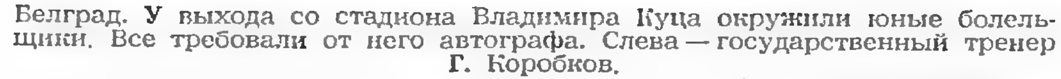
...Французская спортивная газета «Экип» так оценила бег Владимира Куца в Белграде:

«Мы считали, что он готовился к бегу на десять тысяч метров, потому что не обладает достаточной скоростью для более короткой дистанции, и, когда венгр Ихарош улучшил рекорд Куца, предполагали, что царство советского бегуна на этой дистанции отошло в прошлое... Но рассчитывать так — значило не знать легендарной энергии этого сильнейшего бегуна. Он недолго заставил ждать своих болельщиков».

Спортивный обозреватель «Экип» оценил бег Куца как одну из лучших страниц истории легкой атлетики. Куца окрестили «живой машиной», его сравнивали с метрономом — таким постоянным, равномерным был темп его бега. Но не лучше ли нам узнать, что сказал сам Куц? Вот его слова, обращенные к белградским зрителям:

«Я очень вам признателен за ваши приветствия. Вы мне очень помогли. Как только я узнал, что Ихарош побил мой рекорд, я стал стремиться к реваншу. Белград дал мне возможность это сделать... Я совсем не устал и думаю, что сумею пробежать еще лучше, если условия будут мне благоприятствовать».

Таково краткое содержание борьбы за мировой рекорд в беге на пять тысяч метров, начатой Эмилем Затопеком в Париже, продолженной Куцем в Берне, Чатауэем в Лондоне, снова Куцем в Праге, Ихарошем в Будапеште и опять же Куцем в Белграде. Стадионы шести европейских столиц стали уже ареной этой борьбы, и разве можно предвидеть, каково будет ее продолжение!

Белград. У выхода со стадиона Владимира Куца окружили юные болельщики. Все требовали от него автографа. Слева — государственный тренер Г. Коробков.

Фото В. Шаховского.

И. К. Айвазовский (1817—1900). РАДУГА. 1873. **Государственная Третьяковская галерея.**

ЧЕТЫРЕ ПЕЙЗАЖА

«Пейзажная живопись—одна из лучших слав русского искусства»,— писал В. В. Стасов. Русские пейзажисты достойны этой высокой оценки, недаром так популярно их творчество и сегодня.

Совершенно исключительной работоспособностью обладал И. К. Айвазовский. Почти во всех музеях страны находятся его произведения, всего их известно шесть тысяч. Превосходный колорист, он передавал необычайные красоты и световые эффекты воды в лунном освещении, в часы заката. Бури и затишье, штормы и кораблекрушения, отвага борющихся со стихией мужественных людей — все это запечатлел художник. Блестяще владея живописной техникой, он работал легко и быстро.

На долгие годы запоминал Айвазовский поразивший его воображение пейзаж и потом воспроизводил свои впечатления в картинах, не обращаясь уже больше к натуре. Так он работал всю жизнь. «Человек, не одаренный памятью, сохраняющей впечатления живой природы,— утверждал он,— может быть отличным копировальщиком, живым фотографическим аппаратом, но истинным художником — никогда. Движения живых стихий неуловимы для кисти: писать молнию, порыв ветра, всплеск волны — немыслимо с натуры».

Тонким поэтическим восприятием природы обладал русский живописец Е. Е. Волков. Вступив в члены Товарищества передвижников в 1880 году, Волков стал активным организатором выставок и на каждую экспозицию представлял по нескольку своих работ. Обычно это были лирические пейзажи средней полосы России. Мягкие по колориту, уравновешенные по композиции, они хорошо передают состояние покоя и тишины.

Пейзажи М. М. Гермашева, художника, о котором не сохранилось сколько-нибудь серьезных отзывов современной ему прессы, радуют ощущением оптимизма. Настроение бодрости пронизывает ясный и спокойный его пейзаж первого зимнего дня.

У П. И. Коровина пейзаж почти всегда совмещается с жанровой сценой, как и в публикуемой картине. Это полотно говорит не только о горячей любви его к русской природе, но и о страстном сочувствии художника бедняку.

А. ГЕОРГИЕВА

М. М. Гермашев (1868—?). СНЕГ ВЫПАЛ.

Государственная Третьяковская галерея.

П. И. Коровин (1857—?). С ПОЛИЧНЫМ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

Е. Е. Волков (1844—1920). ОКТЯБРЬ. 1883.

Государственная Третьяковская галерея.

ХЛЕБ И РОЗЫ

Ольга **КОЖУХОВА**

Рисунок Г. Храпака.

На Ишиме, в Северном Казахстане, где уже подняты сотни тысяч гектаров целинных земель, в одном из совхозов мне пришлось заночевать в тракторной бригаде.

День был жаркий, но к вечеру на землю пала прохлада. Молодежь после ужина ушла с песнями к озеру. У костра, возле вагончика, осталось несколько человек: повариха, трактористы, прицепщики.

Разговор шел о личной жизни. Рассказывали случай о том, как жена одного рабочего полюбила здесь, в совхозе, человека семейного и ради него бросила своего мужа и детей.

Сидевший у костра тракторист Петр Назаренко, загорелый, чуть седоватый, в замасленной куртке, молча слушал этот разговор и курил «козью ножку». Всякий раз, как вспыхивал огонек папиросы, казалось, что на лице его играет какая-то странная усмешка.

— Хорошо, — сказал он, когда разговор смолк.— Ушла,— значит, не любила. А вот как быть, если и любит, да себя слишком уж помнит?

— Что вы этим хотите сказать? Как это?

Он помолчал, потом задумчиво заговорил:

— Представьте себе: городской человек приезжает на Алтай или в Казахстан, за сотни километров от железной дороги. Живет он в палатке или в тракторном вагончике. Быт еще не налажен, нет ни бани, ни прачечной. Придет ночью с работы — обсушиться, обогреться негде...

Он подбросил в костер сушняку, подождал, пока разгорится огонь, и продолжал:

— А жена где-нибудь в Москве или Ленинграде. Может, и квартиры у нее шикарной не имеется, да как-то жаль расстаться с газом, телефоном, с магазинами на Петровке или на Невском... Нет, она мужу не изменяет, она верная жена... Однако ответьте: настоящая ли это верность, если жена не живет с мужем? Если она трудности с ним переносить боится?

Кто-то заметил с иронией:

— А зачем ей трудности переносить? Она на готовое пожалует...

— Вот, вот... — Назаренко кивнул головой. — На готовое. Ты, мол, там один как-нибудь перебейся, а я — потом... Вот смотришь на это и думаешь: жизнь мы строим новую, красивую. По-новому и судить должны обо всем... Кто-то ведь обязан спросить с такой жены, которая в холодке ожидает, пока жар спадет?

Костер угасал. Темное, тихое небо над степью горело голубоватыми искорками звезд. С озера уже тянул предутренний ветерок, шевелил на углях пепел.

Назаренко натянул сползшую с плеча куртку и, поднимаясь, сказал с горечью:

— А вы спрашиваете, как мы живем. Вот так и живем, проверяем и на излом и на разрыв, крепко ли ковалось семейное счастье.

...Когда эшелон с новоселами подходил к Мамлютке — станции, затерянной в снегах Северного Казахстана,— кто-то неловко сострил: «Не так страшен черт, как его Мамлютка». Никто не засмеялся в ответ. Все толпились у окон и смотрели на снежную степь, раскинувшуюся до самого горизонта.

Александра Сергеевна Скворцова тоже стояла возле окна, всматривалась в белые просторы и с тревогой думала о своей новой жизни. Нет, трудностей и лишений она не боялась. Тревожило другое: крепко ли, надолго ли ее примирение с мужем, Павлом Ивановичем?

Правда, он сам вернулся к ней в дом «с повинной» после трех лет разлуки. Сам предложил уехать от людских толков и пересудов, начать новую жизнь где-нибудь подальше от родного ей подмосковного колхоза.

Но как знать: надолго ли это? Что заставило его тогда, три года назад, бросить ее и детей? Что вернуло теперь: любовь ли к детям, немолодые годы или тоска по истинно родному и верному человеку, каким Александра Сергеевна была для него всю жизнь? Может быть, все это, вместе взятое?..

Не уйдет ли он снова, оставив ее одну в чужой стороне, в этой белой неоглядной степи?..

...Говорят, век открытий таинственных, сказочных стран давно миновал. Нет нехоженых дорог. Нет некошеных лугов. Каждый лес хоть однажды слышал звук охотничьего выстрела, стук топора. Из каждой реки пили воду.

Но Александра Сергеевна в свои сорок с лишним лет отыскала для себя такую чудесную страну, где все было новью: первый костер на снегу, первый сруб на усадьбе, первый ребенок, родившийся в совхозной больнице. И как венец всего пережитого, ради чего люди и ехали сюда, за тридевять земель, — первая борозда. Первая — черная, влажная, маслянистая, — она уходила в степь, к горизонту и терялась там, как волшебная нить, по которой можно войти в светлое царство, где всем будет вдоволь хлеба и роз.

...Хлеба в совхозе пока не хватало. Правда, на складах мука была, но в те первые дни среди новоселов не нашлось ни одного человека, который бы смог правильно сделать квашню, хорошо вымесить тесто, во-время вынуть хлеб из печи. Чаще всего этот хлеб был сырой, как замазка, или горелый, горький.

Однажды Павел Иванович вернулся с собрания злой, охрипший. Он сердито гремел рукомойником, полотенце швырнул на кровать. В усталых глазах кипел гнев.

— Ты что?

— Рабочие ругаются: хлеб плохой. Да разве добьешься толку, уговоришь наших женщин? Для мужа пироги испечет, а для людей не может...

Он поел горячего борща, закурил:

— Занялась бы ты, Александра, пекарней. Жена коммуниста, понять должна...

— Боязно, Паша...

— Боязно! Раз приехала со мной, помогай.

Так Александра Сергеевна взялась за первое в своей жизни ответственное дело: кормить хлебом тех, кто будет добывать хлеб для всей страны.

Сказать откровенно, она не боялась испортить выпечку. Больше думала о другом. Пока она на работе, кто присмотрит за мужем? И печь он истопить не сумеет, и обед не разогреет, будет есть холодный... Мужчины, они так: не работаешь — попрекают, а работаешь — тоже неладно, свой дом забыла.

Усталая после смены, она возвращалась домой с тревожным сердцем. Павел Иванович, к ее удивлению, встретил жену на пороге и, чего не было никогда за всю жизнь, помог раздеться, подал ей обед.

— Небось, спину-то ломит?

— Да ведь хлеб, его только есть легко...

— Ну, обедай, мать, отдыхай... Я пойду. У меня еще дела кое-какие есть... — Он уже открыл дверь и на пороге сказал: — Сегодня в столовой благодарность тебе за хлеб записали...

Казалось, ничего в доме особенного не случилось. Но с этого

дня Александра Сергеевна твердо поверила в то, что новая жизнь удалась. Чутьем, догадкой поняла: мужу приятно, что она не отстает от других, что ее труд стал полезным и нужным для всех, а значит, и для него.

Как-то вся помолодев, она расцвела, похорошела: стала «бабой-ягодкой», как шутили соседки. Когда попривыкла к новой работе, когда все улеглось, наладилось, нашлось время и с хозяйством управляться.

Белозубая, загорелая, с ведрами, полными воды, Александра Сергеевна вечерами спешит домой, на огород. Стоя на коленях на грядке, она долго перебирает в руках листочки растений, гладит ладонью теплую землю:

— Спасибо тебе, соединила нас...

...Но не всех целина соединила.

Седоватый, загорелый мужчина, с которым я познакомилась у костра и который с таким глубоким раздумьем говорил о семье, оказался одним из лучших трактористов Приишимья.

Высокий, плечистый, со значком «За освоение целинных земель» на пиджаке, Петр Назаренко был человеком сдержанным, замкнутым.

Рассказывали, что он хорошо поет, у него приятный, сильный голос. Но местные женщины-активистки, как ни старались, не могли вовлечь Петра ни в кружок самодеятельности, ни просто так уговорить его попеть с девчатами в клубе или на полевом стане. «Извините, мне некогда»,— отвечал Назаренко. И действительно, каждый вечер, возвратясь домой с работы, он умывался и сразу же садился за стол. До поздней ночи писал.

Это были письма. Кому? Куда? Никто не знал.

Ответа на них Петр не получал но надежд своих, видимо, не утрачивал, потому что каждый день его видели на почте, где он сдавал под расписку толстые пакеты: заказные и «авиа».

Товарищи Петра, замечая все это, в дела его не вмешивались, а только пожимали плечами...

Но вскорости все выяснилось само собой.

Шел дождь. В поле в этот день не работали. Трактористы и прицепщики от нечего делать собрались в палатке у железной печки — ругать погоду и слушать рассказы из жизни. Петр Назаренко слушал вместе со всеми, но лицо его было бледно и вяло. Вскоре он поднялся со скамьи и без плаща, без шапки ушел бродить под дождем. К вечеру он забрел на «огонек» в дом Орловцевых, молодоженов.

Лиля Орловцева, фельдшер совхозной больницы, читала вслух «Айвенго». Ее муж, комбайнер Виктор Орловцев, сидел тут же, за столом, и чертил схему какого-то приспособления для комбайна. Они усадили Петра поближе к огню, к натопленной печке.

— Что невесел, Петр Данилыч?

Назаренко вздохнул. Потом скрутил папироску, пошарил в кармане спички и, не найдя их, прикурил от уголька.

— От кого зависит счастье, Витя? — спросил он вдруг, поднимая глаза. — Вот все говорят о счастье. А от кого оно?

Орловцев подумал, сказал:

— От самого себя.

— Не-ет... Тогда я был бы счастлив!

— А разве вы несчастливы?

Назаренко неторопливо кивнул головой.

— Ко мне жена не едет. Вчера телеграмму от нее получил: «Не пиши и денег не высылай, не приеду»... А дети? Что же она, хочет детей осиротить?

Он замолчал, затянулся табачным дымом.

Они долго сидели молча. Орловцевы вспомнили, что жена Назаренко, Раиса, прошлым летом приезжала в совхоз навестить мужа. С всегда одинаковой улыбкой, с внимательным, зорким взглядом, она интересовалась всем: сколько метров до колодца, какая кубатура комнаты, есть ли огород, сколько стоят дрова и не выгоднее ли летом питаться не дома, а в столовой...

На приеме у директора Раиса интересовалась в основном заработной платой, спецодеждой, выходными днями.

На все ее бесчисленные вопросы директор отвечал обстоятельно, терпеливо.

«Хозяйственная женщина»,— решили тогда некоторые из новоселов, видя, с какой осторожностью присматривается Раиса к своей будущей жизни. Других несколько смутил ее трезвый и холодный ум. Казалось, не любовь, не супружеский долг — в радости и в горе, в здоровье и в болезни разделить с мужем судьбу — привели ее сюда, а желание не промахнуться, не продешевить...

— Как в разведке, — неодобрительно сказал кто-то о ней, осуждая эту трезвость и цепкую расчетливость.

За Раису заступились:

— Напрасно обижаете человека. Должна же она знать, как ей жить придется!

— Знать-то должна... Ну, а если за водой ходить не километр, а полтора, так, значит, она не приедет сюда, бросит мужа, оставит детей без отца?

Дети... О них-то и думал теперь Назаренко, уже давно поняв, что жена не покинет Москвы, не оставит уютной, обжитой квартиры. Сидя у огня, он мысленно представлял себе этот дом на набережной, где под аркой ворот он целовался с Раисой, когда они были еще женихом и невестой. Каждый камень на мостовой возле этого дома был дорог и памятен его сердцу. Но дело, которое привело Петра в казахстанскую степь — так далеко от семьи и от дома,— было теперь дороже...

Обычно молчаливый, спокойный, он сейчас заметно волновался; это было видно по его тяжелым, чуть вздрагивающим рукам.

— Она меня упрекает: геройство захотел показать! Но я, мол, не героиня, нам не по пути... — рассказывал Петр, ссутулившись над столом. — Ну, брошу я ее... Разойдусь. Найду другую. А дети?

Лиля и Виктор внимательно слушали гостя. У них совсем недавно, на днях, шел горячий теоретический спор о том, что хуже: ограниченность ума или ограниченность чувств? Сейчас перед ними был случай, когда соединилось и то и другое: ни умом, ни сердцем Раиса не понимала того, что происходит в степи, на целине. Не на год, не на два сюда приехали люди, такие, как Назаренко, а на всю жизнь. И все, что помешает им сделать эту свою жизнь радостной и красивой, все будет отброшено в сторону, отметено.

...Далеко за полночь, когда за окном немного утих дождь, Назаренко поднялся из-за стола. Он окинул взглядом чистенькую, уютную комнату молодоженов и со вздохом сказал:

— Хорошо у вас... Молодцы! Душой отдыхаю в вашем доме. А цветы где добыли? — Он остановился возле окна, где в глиняном горшке распускала свои бутоны роза.

Лиля, благодарно взглянув на мужа, улыбнулась:

— Это Виктор привез. Он весь Ишим объездил, искал по колхозам. Где-то выпросил веточку... У нас еще так мало цветов, а без них жизнь, как без праздника.

...Я много ездила по землям целинных зерносовхозов 1954 и 1955 годов «рождения», встречала многих людей. В «Дзержинском», в «Тимирязевском», в «Москворецком» — всюду люди уже обжились, привезли свои семьи, обстроились, стали заправскими степняками. Об устройстве семей на новом месте заботятся и партийные организации и рабочие комитеты. Забота эта выражается и в том, что каждого, кто почему-либо не привез семью, спрашивают, в чем дело, приехавшим с семьями предоставляют в первую очередь жилье, участок под огород, устраивают членов семьи на работу. Это то, без чего на новом месте новоселам не прожить.

Мне вспоминаются вновь и вновь разговоры с людьми на полевых станах, с инженерами, партийными работниками, о том, что не все еще хорошо представляют себе разницу между понятиями «подъем целины» и «освоение» ее.

— Поднять целину с нашей техникой довольно просто, — сказал парторг зерносовхоза «Тимирязевский» Михаил Петрович Цуканов. — Для этого много времени не требуется, нужны лишь машины да рабочие руки. А вот освоить, обжить — здесь ничего не сделаешь без любви, без человеческого сердца. Ему главная роль... Оно и обживает новую землю, украшает ее.

О том, что без человеческого сердца, без любви к людям, к делу, к новому краю нельзя начинать жизнь на целине, говорили многие мои собеседники. Каждый по-своему понимал, в чем должна выражаться эта любовь, как должно проявлять себя сердце, но главная мысль всех этих разговоров и отдельных высказываний была одна: все нужно делать сразу, не откладывая на «потом»: и сеять хлеб, и сажать розы, строить дома и украшать человеческие отношения, воспитывать в наших людях внимание, чуткость друг к другу, верность — в любви, в быту, в труде.

Старая пословица гласит: горе на двоих — полгоря, радость на двоих — две радости.

Вместе с Павлом Ивановичем, Александрой Сергеевной Скворцовыми, молодоженами Орловцевыми, Петром Назаренко радость разделят все люди совхоза, будет тысяча радостей. Горе Раисы — а оно рано или поздно придет — грянет целиком на нее одну. Так наказывает жизнь тех, кто «ловчит» и пережидает в холодке, «пока жар спадет».

Хлеб и розы будут принадлежать тем, кто их возделал, на новой или на старой земле...

с. Марьевка,

Северо-Казахстанской области.

Польская драма «Князь Потемкин»

Обложка первого издания пьесы «Князь Потемкин» Тадеуша Мицинского.

Восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 году вызвало живой отклик среди польского революционного пролетариата. События на «Потемкине» легли в основу драмы Тадеуша Мицинского (1873—1918) «Князь Потемкин», которая была издана в Кракове еще в 1906 году.

Драматург воспользовался в своей пьесе фактическим материалом о деятельности руководителей восстания. В пьесе отражена деятельность социал-демократической организации, существовавшей на «Потемкине». Среди действующих лиц мы видим Вакуленчука, Матюшенко, Резниченко. Горячие симпатии автора явно на стороне русских революционных матросов.

Много лет прошло, пока драма «Князь Потемкин» увидела свет рампы: только в марте 1925 года известному польскому режиссеру Леону Шиллеру удалось провести пьесу через все цензурные рогатки и добиться ее постановки на сцене прогрессивного Театра имени Богуславского в Варшаве.

Премьера состоялась 6 марта 1925 года. Музыку к пьесе написал Кароль Шимановский. Интересно, что на первом спектакле побывал писатель Стефан Жеромский, который перед открытием занавеса произнес короткую речь, посвященную памяти автора драмы — Тадеуша Мицинского.

Спектакль прошел с большим успехом. Газета «Вядомости литерацке» писала (15 марта 1925 года) с восторгом, что «Князь Потемкин» был зрелищем, «горячим поэзией, волнующим трудовым подвигом, блестящей постановкой-шедевром г. Шиллера». Несколько дней спустя варшавская печать сообщила: «Театр им. Богуславского прекратил свою деятельность».

Юзеф КОЗЛОВСКИЙ

Варшава.

Следопыт

Евгений **РЯБЧИКОВ**

Рисунки Г. БАЛАШОВА.

Фото автора.

I

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Забытая старая запись, пожелтевшая от времени фотография могут вызвать сильные и яркие воспоминания. Недавно, пересматривая свой журналистский архив, я нашел двадцатилетней давности пачку блокнотов и снимков. На пачке было написано: «Никита Карацупа. 1934—35 гг.».

Никита? Карацупа?..

Память воскресила картину лобастых сопок, мимо которых ехал я двадцать лет назад на границу, и, словно наяву, вновь услышал шелест листвы гаоляна и хрипловатый голос начальника заставы:

— Вот и граница, товарищ корреспондент. Знакомьтесь!

Усанов, выйдя из машины, энергично провел рукой по всхолмленному горизонту и показал на узкую зеленую полосу с белой бахромой пены.

— Видите речку? Естественный рубеж. За речкой чужие земли. Теперь посмотрите на двухэтажное кирпичное здание — стоит оно на самом берегу. Наша застава. Справа и слева, по реке и ее притоку, фланги заставы. Взгляните, товарищ корреспондент, за реку...

Там, за рекой, продолжалась все та же широкая и ровная долина, наглухо запертая с юга сопками. Перед ними, около реки, возвышались серо-коричневые глинобитные стены и башни древней крепости. Еще дальше, уже на сопках, за крепостью, виднелись пестро окрашенные хижины.

— Не правда ли, живописны эти фанзы?— иронически усмехнувшись, спросил Усанов.—М-да!.. Декорация это... Отличается от театральной тем, что оттуда можно стрелять: бетон и сталь дотов замаскированы под кусты и фанзы. Вот, собственно, и все, что нужно рассказать вам об обстановке.

Поехали дальше. Замелькали дубравы, распадки, выветренные скалы. Сквозь шум мотора послышалось:

— Стой! Кто едет?

Перед «газиком» стояли бойцы с винтовками наперевес.

Усанов открыл дверцу, винтовки опустились.

— Где Никита Карацупа?— спросил начальник заставы.

— В десять тридцать,— взглянув на часы, ответил старший наряда, — проводник с собакой прошел Карацупин брод.

— Что значит Карацупин брод?— спросил я Усанова.

— Видите ли, это — название места. Бойцы-пограничники часто сами называют по своему усмотрению здешние пади, рощи и даже речки. Есть у нас, например, Кузнецовская падь. Вы спросите: почему ее так назвали? Дело было такое...

Проводник розыскной собаки молодой боец Кузнецов рано утром обнаружил следы в долине и тотчас повел преследование. Гнался он за нарушителем весь день, весь вечер, всю ночь и настиг врага на рассвете в отдаленной, глухой пади. Голые скалы, валуны, дно в мелких камнях — мрачное, суровое место... Застигнутый врасплох пограничником, бандит понял, что он попался, но не струсил, самообладание не покинуло его. Когда Кузнецов смело подошел и решительно приказал бандиту убрать руки за голову, тот покорно послушался, закинул руки, но молниеносным движением выхватил откуда-то из-за спины пистолет. Выстрелили они одновременно и вместе, друг против друга, упали. Трое суток собака охраняла тело бойца, пока не нашли его пограничники.

— В память об этом событии бойцы и назвали падь Кузнецовской,— заключил начальник заставы.

— Чем же знаменит Карацупа?— спросил я.

Усанов весело усмехнулся.

— Думаю, что лучше всего вам поговорить с самим проводником Карацупой,— сказал он.

Шофер хихикнул.

— Что за неуместный смех? — строго заметил начальник заставы.— Товарищ корреспондент хорошенько попросит товарища Карацупу, и товарищ Карацупа ему все расскажет.

«В РУЖЬЕ!»

Никита Карацупа вернулся на заставу в полдень. В воротах заставы появился приземистый, широкий в кости боец с чуть искривленными, как у кавалериста, ногами. На Карацупе была коротковатая, подрезанная ножницами шинель, на голове — серый суконный шлем. Туго набитый патронами широкий брезентовый патронташ опоясывал пограничника. Крепко натянутые яловые сапоги белели от густой пыли. Перед Карацупой степенно вышагивала полная достоинства молодая, похожая на волка, стройная и сильная овчарка. Увидев меня, незнакомого для нее человека, она фыркнула, насторожилась.

— Свой! Ингус, фу! — Пограничник потянул овчарку за поводок.— Не бойтесь!

В мою сторону повернулось сильно обветренное лицо с чуть заметными морщинками. Внимательные, словно буравящие и строгие глаза изучающе посмотрели на меня.

— Пошли, Ингус, отдыхать! — Карацупа поерошил шерсть овчарки и зашагал к собачьим клеткам.

— Строгий человек!..— с явной гордостью сказал дежурный по заставе, встречавший со мной Карацупу.— Если прикинуть, он, почитай, сегодня километров тридцать отшагал. По сапогам его вижу. А разве скажете? Словно заводной, ходит и ходит.

Я пошел следом за Никитой Карацупой. Он резко повернулся:

— Ингус отдыхать будет. Не привык он сниматься.

— Но мне не терпится... Очень хочется снять Ингуса...

Карацупа закрыл овчарку шинелью и не позволил ее снимать.

Потерпев неудачу в фотографии, я решил немедленно провести интервью.

— Как сегодня работал Ингус?— спросил я Никиту Карацупу.

— Нормально.

— Что же было самого интересного за сегодняшний день?

— Ничего. Все нормально.

— Много вы прошли километров?

— Тридцать.

— Долго были в наряде?

— Двадцать часов.

На лице Никиты появилось мученическое выражение.

— Скажите, пожалуйста,— продолжал я,— а почему называют вашим именем брод на реке?

— Шутники!— Карацупа махнул ременным поводком в сторону заставы.— С них станется.— И вздохнул: вот, мол, привязался.

Следуя за Карацупой, я оказался в кабинете начальника заставы.

— Сейчас отдыхайте, товарищ Карацупа,— сказал Усанов проводнику собаки.— А в час ноль-ноль — на границу. Задача следующая.— Усанов раздвинул серую матерчатую занавеску, скрывавшую карту участка границы, и проложил по ней маршрут будущего похода.— Есть данные, что ночью, в тумане, попытаются забросить «петуха». Судя по всему, «петух» пойдет к соседям, но и нам нужно быть начеку. Понятно?

Закончив объяснения, начальник заставы, улыбнувшись, заметил:

— Сегодня вы получите дополнительную нагрузку: с вами пойдет гость.

Никита Карацупа осмотрел меня с ног до головы и повел в столовую. Не говоря ни слова, закончив обед, Карацупа отправился в казарму. Гитарист, сидевший у окна, почтительно встал в положение «смирно», демонстрируя особое уважение к товарищу, махнул рукой, и бойцы, оборвав песню, вышли из спальни. Никита Карацупа снял с себя одежду, скупыми, заученными движениями аккуратно положил на табуретку брюки, гимнастерку и лег на койку.

— Отдыхать! — приказал он мне.— Обязательно отдыхать! — и сразу уснул.

Я забрался под одеяло, но уснуть не мог. Рядом лежал волновавший мое воображение следопыт, и я разглядывал его мужественное лицо. Светловолосый, с крепкими, сильными челюстями, с хорошо вылепленным лбом, он сладко причмокивал во сне, чуть похрапывал и казался простым, милым деревенским парнем.

Н. Ф. Карацупа с Ингусом на границе. Снято в 1935 году.

Дежурный по казарме заметил, что я не сплю, и сел ко мне на койку.

— Снимать Ингуса будете?— Чернобровый боец свернул из газеты «фунтик» и стал отгонять им назойливых мух от лица Карацупы.— Это вполне правильно. Только вы на самого Никиту в смысле рассказов не очень надейтесь: буркнет — вот и весь сказ. Меня тут приспособили к стенной газете. Я пристал к Карацупе: «Напиши, друг, в газетку про опыт свой». А он мне: «Рано еще говорить про опыты: придет время — поговорим». А в общем-то Никита — парень хоть куда. Компанейский товарищ, добрый и службист хороший. Что же касаемо молчания, тут осуждать его не стоит: жизнь была тяжелая у парня, горя-лиха много видел. Сирота, беспризорничал, потом батрачил...

ПОЧЕМУ КВАКАЮТ ЛЯГУШКИ!

Около часа ночи я вскочил с койки: мне показалось, что на заставе объявлена тревога. Задыхаясь, спеша и волнуясь, я натягивал брюки, накручивал на ноги портянки.

— Спокойнее! Спокойнее!— услышал я ровный голос Карацупы.— Нет тревоги, дорогой товарищ. Дежурный разбудил — идем в наряд. А теперь сними-ка сапоги. Эх!..— вздохнул следопыт.— Разве так надевают портянки? Посмотри!— Карацупа разулся, сел на край койки и ловко завертел в воздухе портянкой. Проверив, как я обулся, он сунул мне ладонь за пояс и велел ослабить пряжку; потом проверил, как я надел подсумок и держу винтовку.

— Успех операции начинается в казарме,— с неожиданной словоохотливостью сказал Карацупа.— Плохо обуешься — ноги собьешь. Мелочей нет у нас. Кому, может, ерундой покажется, мелочью — поесть или не поесть перед выходом. А от этого станется, что плохо будешь ночью видеть.

Оказывается, Никита Карацупа мог толково и просто объяснять, когда считал разговор нужным и полезным. Он говорил:

— Когда человек наестся, к его кишкам и желудку кровь притекает от мозгов, а от этого глаза слабеют. Раз они слабеют — в темноте плохо видят. У нас, у пограничников, правило: хочешь видеть ночью хорошо — не ешь перед нарядом, о постороннем не думай, не разговаривай и на свет не смотри! Ну, а теперь молчок!

Прикрыв ладонью глаза от света керосиновой лампы, Карацупа вышел из казармы. Вскоре мы были с ним в кабинете начальника заставы. Выстроив в шеренгу бойцов, Карацупа отрапортовал Усанову: наряд готов к выходу на границу.

По едва заметной тропе, проложенной в кустарниках, мы пошли от заставы по долине к сопкам. Впереди бежал Ингус, за ним шел Карацупа, потом я, за мной — бойцы. Глаза постепенно привыкали к темноте, и я уже различал кустарники, силуэты пограничников. За рекой, в крепости, уныло тявкали собаки. Ветер доносил из-за глинобитных стен запахи кухонь и свалки.

Идти было трудно. Но главная неприятность оказалась в другом: если во время движения вдруг хрустела ветка, то в этом был повинен лишь я; если отлетал в сторону от сапога камень, или шуршал гравий, или шелестела трава, то лишь по моей милости. Остальные бойцы, как мне показалось, не шли, а пролетали бесшумно, как тени.

После каждого шороха, треска или стука Карацупа мрачно останавливался и чутко прислушивался. Пограничник молчал. «Уж лучше б поругал!..» — думал я.

Мне было горько и неприятно из-за своей неосторожности. Чуть дыша, старался я шагать на носках, но ничего не получалось: то задевал сапогом трескучий сук, то из-под ног вылетала перепуганная птица, то лезла сухая ветка в глаза, то рытвины и кочки бросались под ноги — и я спотыкался и падал.

Через восемь километров я почувствовал слабость. Сердце билось сильно и часто. Ноги подкосились, в желудке засосало, в висках застучали какие-то звонкие медные молоточки. А Карацупа шел без устали, легко, спокойно. «И так он ходит каждый день,— невольно подумал я с восхищением,— ходит не по пять и не по десять, а по двадцать и даже по тридцать и пятьдесят километров!»

Карацупа иногда останавливался, нетерпеливо поджидал, пока я отдышусь, и снова шагал вперед, и опять маячила передо мной его коренастая спокойная фигура.

Ингус бежал впереди. Порой он останавливался, нюхал воздух, прислушивался. Карацупа замедлял тогда шаг и тоже прислушивался.

Охватив широкой петлей часть долины и сопок, мы подошли в сгущавшемся тумане к границе. Реки еще не было видно, но за кустами чуть слышался плеск. Холодной сталью блеснула вода, показался бревенчатый мостик. Тут Ингус сделал стойку. Понюхав воздух, овчарка чуть слышно фыркнула. Где-то далеко квакали лягушки.

Карацупа слушал и вглядывался в скрытую мглой сторону, где лягушачий хор нарушал сонную тишину. Видимо, его всерьез заинтересовали лягушачьи переговоры. Он лег, приложив ухо к камням. Я последовал примеру следопыта и тоже припал к земле. Камень резал ухо, но ничего не было слышно.

— Нарушитель идет!..— прошептал Карацупа.

— Где?— заволновался я.

Боец, лежавший рядом, коснулся своими горячими губами моего уха, накрыл наши головы шинелью и чуть слышно пояснил.

— Коли зверь бежит, лягушки молчат около самого зверя,— услышал я шепот,— они только квакают вокруг него. А когда человек идет, дело другое: лягушки встречают человека молчанием, но только пройдет человек, сейчас заквакают. Так они и провожают кваканьем человека по следу.

Карацупа вскочил, побежал в белесую мглу. Лягушки умолкли, слышен был только плеск волн. Пограничников окружила плотная и душная масса легких испарений. Ингус нервничал. Карацупа жадно нюхал воздух, на ходу осматривал мокрые ветки лозняка, нагибался и что-то искал в росистой траве. Вскоре старший наряда со всего хода лег на землю и снова «прослушал» ее. Поднявшись, он посмотрел в глаза собаке, словно советовался с ней. Брови у пограничника сомкнулись, глаза стали жесткими и холодными. Он напряженно думал. Приняв решение, Карацупа внезапно изменил направление,

которого мы придерживались, и повел овчарку не по прямой, а по дуге, охватывавшей значительную часть прибрежья. Подняв торчком уши, Ингус торопливо бежал, выражая всем своим видом крайнюю озабоченность и тревогу. Иногда он останавливался и вглядывался в туман.

Зигзагообразно блуждая по отсыревшим кустам, ронявшим на наши шинели тяжелые капли, мы очутились на берегу речки. Овчарка обнюхала камни и потянулась на противоположную сторону. Карацупа не дал плыть Ингусу, он подхватил его и перенес на себе. Соскочив с рук, Ингус сильным движением стряхнул с шерсти брызги и серьезно посмотрел на Карацупу. Никогда прежде не представлял я себе, что собачий взгляд может быть таким умным и красноречивым.

Жидкий, слабый свет нарождавшегося утра чуть серебрил пелену тумана. Казалось, мы ходили внутри облака.

Бесшумно раздвинув черные кусты, Карацупа вышел из облака на луг. Высокая трава стояла неподвижно. Следопыт забрался в нее и присел. Снизу и сбоку он посмотрел на тускло освещенную луговину. По обильной росе причудливыми мазками тянулась прерывистая полоса.

Следы!

ПОГОНЯ

Карацупа побежал по траве, вдоль темной полосы, исчезавшей в тумане. Бросившись к следу, он поднялся с колен злой и хмурый: не от границы, а, наоборот, в сторону рубежа тянулись ясные слепки конских копыт.

Старший наряда сдвинул на затылок шлем, сел на корточки. Весь его вид выражал озабоченность и тревогу. Откуда здесь конь? Карацупа привычно извлек из кармана сантиметровую ленточку и ловко измерил вмятину. Да, это был след копыта. И глубина его, и рисунок, и отпечаток шипов рассказывали пограничнику, что по траве примерно час назад прошел конь. Но Ингус беспокойно фыркал, рвал поводок. Карацупа погладил собаку, ласково шепнул ей какое-то заветное слово и приказал идти вперед. Я думал, мы пойдем по ясным следам к границе, куда они как будто вели, но Карацупа побежал в противоположную сторону.

Сделав несколько шагов, он склонился над другим отпечатком.

— Странный конь какой-то...

Карацупа резко выпрямился. По его сухим губам блуждала хитрая улыбка.

— Вот ловкачи!— прошептал он и побежал к молодой дубраве.

Вскоре его заинтересовала обычная замшелая коряга, о которую задел тяжелым копытом конь.

— Подкову подбил, это хорошо,— шепнул мне Карацупа, подходя к дубку.

Он осмотрел притоптанную траву и заметил, что вытоптана трава очень странно: задними ногами конь стоял неподвижно, а передние его копыта беспокойно передвигались. Карацупа перенес взгляд с травы и корней на ствол дуба. На его коре виднелись чуть заметные царапины. Что ж, конь, возможно, терся о ствол?

которой тянется служебная полоса, и начинаю сомневаться, смогу ли забраться на такую крутизну.

— Вы не пугайтесь, товарищ корреспондент,— участливо говорит рыжеватый ефрейтор.— Поможем.

Идем виноградниками, минуем чайные плантации. Старший наряда раздвигает ветви кустов и осторожно прокладывает дорожку в зарослях. В конце долины стоит отвесно врезавшаяся в землю каменная стена — вот по ней-то и нужно лезть. Рядом с выбитой в граните лестницей тянется неширокая служебная полоса, похожая на тщательно возделанное поле. Эта полоса вроде зеркала: она обо всем расскажет и все покажет часовым — зверь ли пробежит, птица ли сядет поклевать на распаханной полосе... След останется, а по следу, как по книге, пограничник все прочитает и точно скажет, что здесь было: шел ли нарушитель, пробирался ли кабан или прыгала рысь.

Ефрейтор любовно смотрит на полосу, как колхозник на пашню. Он говорит мне: в корзинах землю сюда, на горы, таскали; из долины на спинах поднимали — все несли на себе саперы.

Служебная полоса, безмолвно тянущаяся справа, кажется бесконечной. Черные тени от грабов и буков падают на нее с чужой стороны. Где же перестанет подниматься она? Где хотя бы маленькая площадка на тропе для отдыха?..

Ефрейтор замечает, что я высокого ростом, крепко сбитого пограничника, чувствую сильное пожатие его железной руки и спешу засыпать его вопросами: как он жил, как служил эти двадцать лет?

— Ничего. Нормально,— пряча улыбку, отвечает Карацупа.

— Только оставьте, пожалуйста, эти свои «ничего» да «нормально»!

— Действительно нормально!— добродушно смеется Карацупа.— Все эти двадцать лет служил на границе. Говорят, стал ветераном пограничных войск.

— И сколько же сейчас у вас на счету задержаний?

— Много, не считал.

Но я знаю, что на счету у него четыреста шестьдесят семь задержанных нарушителей, что убил он в боях двадцать девять бандитов, которые не хотели сдаваться и угрожали ему смертью.

Не скрывая своего любопытства, с восхищением осматриваю офицера. Широкий в плечах, сильный, возмужавший, с малозаметной сединой в светлых волосах, он и похож на того молодого солдата, которого я видел двадцать лет назад, и не похож: кадровый офицер чувствуется в интонациях, жестах, движениях. Одно неизменно — скромность и простота Карацупы.

— Есть семья? Кто жена? Где живете?— продолжаю расспрашивать следопыта.

Карацупа рассказывает: у него хорошая семья, двое детей: Альбина учится в третьем классе, пятилетний Толя ходит в детский сад.

Подполковник Н. Ф. Карацупа с пятым по счету Ингусом. Снято в 1955 году.

* * *

После памятной встречи в горах с Никитой Федоровичем Карацупой я долго ходил и ездил с ним по границе, встречался с его сослуживцами, рылся в архивах, читал послужной список ветерана пограничных войск, и передо мной встали картины походов и битв отважного следопыта.

Рассказать в журнале обо всех подвигах Никиты Федоровича Карацупы невозможно. Поэтому ограничусь лишь несколькими эпизодами из жизни бесстрашного разведчика.

Продолжение следует.

Карацупа подтянул нижние ветки, сорвал мятый листок. Не хватил ли его губами проголодавшийся конь? Но почему он рвал дубовые листки, да еще старые, и не щипал траву?

Карацупа разгладил лист. Он был сух, без признаков конской слюны. Около стебелька виднелось пятнышко. Старший наряда достал из кармана увеличительное стекло: пятнышко стало отпечатком пальца.

Карацупа тотчас исчез в тумане. Подхватив Ингуса на руки, он прыгнул с ним в речку в том месте, где исчезли следы в воде.

«Что заставило лошадь снова переправиться через реку? — подумал я.— Травы всюду достаточно, вода рядом».

На другом берегу Карацупа спустил с рук Ингуса и пошел с ним вдоль реки. По дну, пряча следы в воде, прошел загадочный конь. Вот он поскользнулся около валуна. Карацупа мгновенно забрался в воду, поднял камень и внимательно осмотрел его. Царапины на камне заинтересовали следопыта. Он засучил рукава и принялся шарить руками в холодной воде. Вскоре он держал новенькую подкову. Шипы ее были гладкими, словно подкова никогда не срывалась с копыта.

— Странно!..— задумался Карацупа.

Он пощипал светлую бровь, спрятал подкову в карман и опять побежал с Ингусом вдоль реки.

Только вода смывает следы, и беглеца легче всего потерять на реке. Но где-то должен выйти из реки конь! Где захочет он пастись, пощипать травку?

Карацупа приказал бойцам идти по обоим берегам, а сам то и дело переправлялся с одной стороны реки на другую. Он искал следы. Их не было. Шинель Карацупы промокла, с нее ручьями стекала вода, сапоги отяжелели. Переобуваться было некогда: следопыт спешил. Собака была бессильна что-либо найти в воде, нужно было вести поиски, самому Карацупе. Вдруг он увидел на берегу, на сером круглом камне, ясный след — здесь сидел человек. Оттиск его сапога сохранился и на крупном речном песке. Был конь, да исчез! Появился человек. Отдохнув на камне, он вошел в воду.

Карацупа приказал одному бойцу залечь в засаду, а с другим перебрался на противоположную сторону реки. Но следов там не было.

На лбу Карацупы от напряжения вздулись жилы. Глаза его сузились, в них сверкала тревожная мысль. «Не ошибся ли я,— очевидно, думал он,— может быть, нужно идти к границе, а не в тыл?»

Туман редел. Светало. Видно было всю реку. Ни тропы, ни дымка, ни хижины на ее берегах — только камни, кусты и заросли камыша. Дикое место.

Карацупа сопоставил все свои наблюдения, проверил расчеты и продолжал поиск; он перебирался с берега на берег, осматривал валуны, разбитые скалы. Он был убежден, что впереди идет человек, хорошо знающий, как нужно скрывать свои следы. У нарушителя крепкие нервы, отличная тренировка, большая выдержка — он идет по дну, по скользким камням, но не вылезает на берег. Карацупа тоже проявил выдержку и неотступно двигался вверх по реке.

— Не выдержал!— радостно воскликнул он, когда увидел выходивший из воды след.

Карацупа лег на землю, «послушал» ее и вскочил повеселевший. Он приказал бойцу перебраться на другой берег и залечь в кустах, а мне — остаться здесь. Сам Карацупа побежал с Ингусом дальше по следу.

Чувствовалось, что развязка приближается. Легкий золотистый рассвет заполнял долину.

— Стой! Руки вверх! — неожиданно прокатилось по реке.

Где-то рядом затрещали кусты, и грохнул выстрел.

Вскоре из кустов вышел длинноногий человек в темной пиджачной паре. Его сжатые в кулаки руки были подняты над бритой головой, черные раскосые глаза зло бегали по сторонам.

— Вот вам и конь...— Карацупа махнул маузером в сторону задержанного.— Вернее, передние копыта коня...

— Где второй?— властно спросил Карацупа бандита.

— Я один...— грубо бросил порусски задержанный.

— Где второй?— повторил пограничник.

— Я заблудился. Чего вы пристали? Вышел погулять, а вчера выпил... и вот...

— Посмотрите, товарищ Карацупа!

Боец, вызванный следопытом, мгновенно закончил обыск и по-

РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Ефим **ДОРОШ**

Вид на Ростовский кремль со стороны озера Неро.

Фото Е. УМНОВА.

Сырым и пасмурным утром стояли мы на одной из башен Ростовского кремля, в открытой на все стороны сторожне, которая венчает собою четырехскатный шатер.

Было видно просторную землю, бравшую начало у холмистого горизонта: она как бы текла с поросших лесом холмов к свинцовой и тихой воде озера Неро.

Тысячу с лишним лет тому назад из Новгородской Руси по Шексне, Волге и Которосли приплыли к берегам озера ладьи с поселенцами-славянами. Они расселились широко окрест: поднимали от века не паханную землю, гатили болота, ставили городища... Они поставили и этот город, названный, если верить преданию, именем некоего легендарного Роста, или Росса.

От нашей башни к надвратным храмам и к другим башням, образуя обширный многоугольник, уходили кирпичные стены с двускатными деревянными кровлями над переходами. Отчетливо рисовались в сером небе шатры и маковицы, торчали ребристые металлические и деревянные каркасы еще ничем не покрытых глав. И на всем открытом взгляду пространстве между палатами и храмами возвышались штабели кирпича и бревен; в раскисшую, исполосованную колесами землю втоптаны были стружки, щепа, битый камень. С иных маковиц, еще обнесенных лесами, доносились голоса плотников. Казалось, время повернуло вспять, и мы присутствуем при строительстве Кремля.

Ростов Великий, считают историки, несомненно, возник ранее IX века. Но Ростовский кремль, хотя и ставились здесь еще в XII столетии каменные храмы, построен был позднее, а во всем своем великолепии — без малого триста лет тому назад.

Кто-то из реставраторов, протянув руку в сторону едва различимого противоположного берега озера, сказал, что оттуда, из села Ангелова, пришел строитель Кремля. Звали его Ионой Сысоевичем, и был он сыном деревенского дьякона или попа, а впоследствии стал митрополитом Ростовским. Сказав это, мой собеседник показал на звонницу за кремлевской стеной, точнее, на исполинский, в две тысячи пудов, колокол, темневший в одном из пролетов звонницы, и добавил, что колокол этот в честь своего отца митрополит назвал мужицким именем Сысой. Короткое и звучное это имя как нельзя лучше подошло басовитому колоколу, голос которого слышен был за двадцать верст.

Обстоятельства истории были таковы, что религия подчинила себе художественное творчество народа. Не случайно, надо полагать, резные деревянные пластины, которыми крыли главы и луковицы башен, не только похожи на одну из деталей земледельческого орудия, но и называются точно так же — лемех.

В недавно освобожденном от позднейших пристроек портале Успенского собора, в этих чередующихся бочонках, поясках и кувшинах из фигурного кирпича, угадываются формы тех предметов повседневного народного обихода, какие с детских лет наблюдал мастер. О том, каким земным и социально точным было представление о грехе и пороке у неизвестного живописца того времени, можно судить по одной из фресок на паперти церкви Воскресения: изображая библейскую блудницу на апокалиптическом звере, художник одел ее в современный ему европейский костюм знатной дамы, с узкой талией и круглым воротником. А товарищ этого живописца, скульптор, украсивший своды церкви Одигитрии барельефами ангелов, придал их лицам черты здешних крестьянских девушек, чуть курносых, с пухленькими щечками, с мягкими, несколько бесформенными губами...

Директор Ярославских реставрационных мастерских Борис Васильевич Гнедовский напомнил, кстати, что, как только митрополиты переехали из Ростова в Ярославль, Кремль пришел в запустение. Дело в том, что Ростовский кремль в отличие от других не был крепостью. Он назывался митрополичьим домом, был как бы столицей митрополита Ростовского и (позднее) Ярославского. Когда же миновала в нем нужда и он являл собою лишь произведение искусства, его хотели продать на слом либо перестроить для торговых и других хозяйственных целей.

Верхолаз-кровельщик Геннадий Евдокимычев на северо-восточной башне Кремля.

Вот что писал об этом историк Ростова А. А. Титов:

«Прошло не более полувека со дня перевода архиерейской кафедры из Ростова в Ярославль, как величественный Ростовский архиерейский дом представлял уже картину полнейшего разрушения. Опустелые здания, лишенные надзора и поддержки, пришли в упадок; церкви оказались «излишними»... в обширных и многочисленных подвалах древних палат нашли себе постоянное место склады спирта и вина, курени и ледники для трактирщиков... Красная Палата, построенная Ионой Сысоевичем «для пришествия государева», была сломана...»

«Но хотя и в развалинах,— свидетельствует далее историк,— но Кремль существовал, а между тем еще за двадцать лет до того ему грозила серьезная опасность быть окончательно снесенным с лица земли. Как нелицемерный свидетель уцелел указ ярославской консистории 1820 года о продаже всего Кремля городскому обществу «для места гостино-ярмарочного двора».

Ревнители древностей российских организовали сбор пожертвований и спасли Кремль. Однако ни состояние реставрационного искусства, ни материальные и технические возможности реставраторов не позволили воссоздать Кремль таким, каким построил его Иона Сысоевич.

За это взялись в 1953 году советские реставраторы.

Профессия реставратора всегда представлялась мне далекой от современности, всеми интересами своими устремленной в прошлое.

Но вот, глядя на собеседников своих, я вдруг понял ошибочность этих своих представлений. И не потому только, что Владимир Сергеевич Баниге, старший архитектор здешнего филиала Ярославских реставрационных мастерских и автор проекта реставрации Кремля, говорил главным образом об исполнении сметы, о каменщиках, о красках. И не потому также, что Александр Иванович Криушин, как и положено производителю работ, то и дело останавливаясь, переговаривался с рабочими так, словно они строили жилые дома или школу.

Не столько это опрокинуло мои ошибочные суждения о профессии реставратора, сколько услышанный рассказ о той исследовательской работе, какую исполнили реставраторы Кремля.

Когда в начале осени 1953 года Владимир Сергеевич Баниге приехал в Ростов, Кремль являл собою печальное зрелище. Пронесшийся недели за две до этого над Ростовом ураган посшибал шатры с башен, посрывал кровли,

Каменщики Г. Алексеев и И. Розов за реставрацией углового кокошника соборной звонницы.

чуть ли не целиком унес многие маковицы, а те, что остались, либо лишены были железного покрова своего и страшно чернели смятыми скелетами каркасов, либо, едва держась, свешивались с кирпичных барабанов.

Но если бы и не было урагана, если бы Кремль оставался таким, каким вошел он в наше столетие: со всеми перестройками и переделками любителей благолепия, со всем тем, что, как говорится, по силе возможности сумели сделать реставраторы прошлого века, спасавшие Кремль,— то даже и в этом случае задача, стоявшая перед архитектором, была бы не легче.

Для того, чтобы воссоздать дивный Кремль, надо было увидеть его под корой позднейших напластований, подобно тому как скульптор видит в глыбе мрамора свою будущую статую, как исследователь, освещая факты ясным светом догадки, видит будущее открытие. Это была работа, соединявшая в себе труд художника и ученого. Исполнили ее человек десять—двенадцать скромных работников: В. С. Баниге, Л. К. Россов, Б. С. Скобельцын, В. А. Цаплина и другие реставраторы.

Сперва производились обмеры храмов, башен и стен: Кремль изучался в натуре. Но одновременно с этим предпринято было исследование Кремля по документам, хранящимся в различных архивах. Было подвергнуто исследованию около трехсот чертежей, актов, выписок из летописей, донесений ростовских воевод, рисунков, фотографий. Это позволило решить одну из главных задач — представить себе, какой формы были покрытия башен до того, как их переделывали.

Выяснилось, что башни той части Кремля, которая обращена к находящемуся за его пределами Успенскому собору и служила как бы парадным, торжественным фоном для митрополита, когда он шествовал из кремлевских ворот в собор,— что эти башни были увенчаны так называемыми кубовыми покрытиями, тогда как башни противоположной части были покрыты издревле известными на Руси шатрами.

Оставалось установить, так ли все это было именно в XVII веке. Для этого были привлечены многие факты общественной жизни той эпохи, из которых иные, казалось, не имели прямого отношения к архитектуре.

В ту пору патриархом Руси был Никон, который всемерно покровительствовал Ростовскому митрополиту Ионе Сысоевичу. Будучи ревностным гонителем всего, что, по его мнению, исходило от римско-католической церкви, Никон и в древнем русском шатре усматривал еретическую готику. Понятно, что с этим не мог не считаться Иона, предпринявший строительство Кремля. Но в тот же самый период нашей истории произошло воссоединение Руси с Украиной, в деревянном зодчестве которой господствовала кубовая форма покрытий, начался обмен культурными ценностями, и митрополит Иона, человек просвещенный, не мог не познакомиться с культурой братского народа, с его зодчеством, интерес к которому был у него вообще велик.

Опираясь на это, реставраторы утвердились в первоначальной мысли, что при Ионе Сысоевиче башни той стороны Кремля, которая обращена к Успенскому собору и прежде всего открывалась взору каждого, кто подъезжал к Ростову, держа путь из Москвы,— обстоятельство не из последних, что эти башни были в больших, нарядных, как говорят в народе, кубастых, главах, с луковицами над ними. И это нисколько не противоречило тому, что другую, как бы затрапезную сторону Кремля, откуда ездили на митрополичьи огороды и к озеру за водой, Иона Сысоевич оставил в древнем крепостном виде, с шатрами на башнях.

Конечно, это было только лишь предположение, но многие крупные знатоки русских древностей, с которыми советовались реставраторы, считают, что оно очень близко к истине, если не сама истина.

В последнем убеждает еще и то обстоятельство, что другая догадка реставраторов — относительно материала покрытий — полностью подтвердилась. Восстановленные в конце прошлого века кубовые главы имели уродливую форму и были покрыты железом. Реставраторы были почти убеждены, что их предшественники, исказив древний куб, ошиблись и в выборе материала. Документы свидетельствовали, что главы башен были покрыты деревянным лемехом. И вот однажды, весной минувшего года, когда разбирали кровлю надвратной башни, в ограде Успенского собора под железом нашли сохранившийся лемех.

Без малого триста лет этому куску дерева, как и лежавшей под ним бересте, которая служила, видно, изоляционным материалом. Это была как бы подсказка, донесшаяся из глубины веков, и она не только подтвердила догадку реставраторов, но и дала им образец, по которому они стали изготовлять лемех.

Примеров таких множество, приведу лишь еще два, которые показывают, как открывался исследователям в своем изначальном виде ионинский Кремль, как проступали сквозь толщу времени его очертания.

Уже одевались узкими, с копьевидным концом тесинками шатры на башнях, но еще не было известно, в какой цвет их окрасить. И вот в хозяйственных документах митрополичьего двора нашли запись, что на покраску шатров куплено несколько пудов мумии. Или, когда относительно башен все уже стало известно, продолжало оставаться загадкой, какой же формы были кровли Успенского собора и звонницы. Четырьмя скатами лежат они на стенах, однако, присматриваясь к ним изо дня в день, можно заметить, что нижние края скатов как бы нахлобучены на стены, прямыми линиями своими срезают верхушки выложенных из кирпича полукружий. Разумеется, древние зодчие не для того выкладывали в стенах эти полукружия, чтобы изуродовать их затем кровлей. Но следует ли относить эти полукружия к декоративным деталям, подобным карнизам или кокошникам? И если представить себе, что некогда между ними существовало свободное пространство, впоследствии наглухо заложенное кирпичом, то не есть ли это так называемые закомары — полукруглые верхние части наружных стен древних русских церквей, закрывавшие собою примыкающие к ним внутренние своды? А если это так, значит, в давние времена кровля не имела четырехскатную форму, но состояла из полуцилиндров.

Тщательное обследование чердачных помещений церквей, где легко отличить древнюю кладку от позднейшей, подтвердило и это предположение.

Следом за ищущей мыслью архитектора и художника, облекая ее в форму и цвет, шли плотники, каменщики и маляры Александра Ивановича Криушина, производителя работ. Нужно было обладать популярностью этого человека, коренного здешнего жителя, самоучки, построившего в Ростове не один дом, чтобы найти в маленьком городе столь дорогие у нас сейчас руки, умеющие сложить стену, вылепить на своде орнамент, связать и обшить стропила, да еще таких форм, какие известны были триста лет назад, а теперь забыты.

Если говорить о плотниках, то все это молодежь, восприимчивая и смелая. Искусству тесать лемех обучил молодых плотников старый мастер, приглашенный в Ростов из Карело-Финской республики, хорошо знающий это древнее мастерство. Он приезжал сюда весною минувшего года, а в тот день, о котором идет здесь речь, в темном, пропахшем осиной сарае, куда мы вошли, шестеро молодцов, играючи топорами, разваливали дерево на толстые плашки, обтесывали их, чтобы придать необходимый изгиб, по обеим сторонам одного из концов высекали уступчатое, ступеньками, кружево.

Потом в одигитрии, стены и невысокие своды которой покрыты пышной лепкой, мы любовались работой штукатура и маляра Александра Спиридоновича Тарелкина и его шестнадцатилетнего сына Романа. Восстановленные ими белый орнамент и белые ангелы с лицами крестьянских девушек, отчетливо лепясь на красноватом охристом фоне, придают церкви дворцовую торжественность. Что-то знакомое почудилось мне в этом лепном убранстве древнего храма, и когда я поделился своей догадкой с товарищами, они подтвердили ее. Орнамент одигитрии послужил академику А. В. Щусеву исходным материалом для лепных украшений станции метро «Комсомольская» (кольцевая) в Москве.

В церкви Воскресения, фрески которой еще два года назад были как бы в язвах от вывалившейся штукатурки, снова дивились мы не только мастерству и фантазии древних живописцев, но и тому искусству, с каким художники-реставраторы Вера Григорьевна Брюсова и Леонид Иванович Рагозин, не погрешив против подлинности, восстановили светлую, исполненную ликования и сказочной поэзии стенопись.

Становилось уже темно, когда сквозь сводчатые ворота мы вышли на городскую площадь с доской почета и деревянной трибуной, с флагом над райисполкомом, с «газиком» у освещенного подъезда райкома.

Лил дождик, и за прямыми струями его, блестевшими в свете вспыхнувших электрических фонарей, покойно стояло на мокрой, чуть золотистой земле творение давно умерших искусников — розовые в сумерках стены и башни, красные шатры и кровли над переходами, белые храмы, отливающие золотом свежего дерева чешуйчатые маковицы с луковками над ними. При взгляде на дошедшую до нас из древности сказку возникало чувство благодарности к тем, кто сотворил ее, и к тем, кто дает нам возможность любоваться, радоваться и гордиться творением русского народного гения.

Ростов, Ярославской области.

Вид на шатровые башни юго-восточной части Кремля.

РОСТОВ, Ярославской области

Фото Е. Умнова.

Юго-восточная и Водяная башни.

Фрески надвратной церкви Воскресения. XVII век.

Церковь Одигитрии и северо-западная башня. XVII век.

Святые врата северной стены Кремля.

Вид на северную часть Кремля и круглые башни с кубовыми покрытиями.

Новые переводы из Роберта Бернса

С. МАРШАК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Две собаки

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нёс.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком
Прохожим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к чо́рту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой, грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему

Прозванье «Люа́т». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Люат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

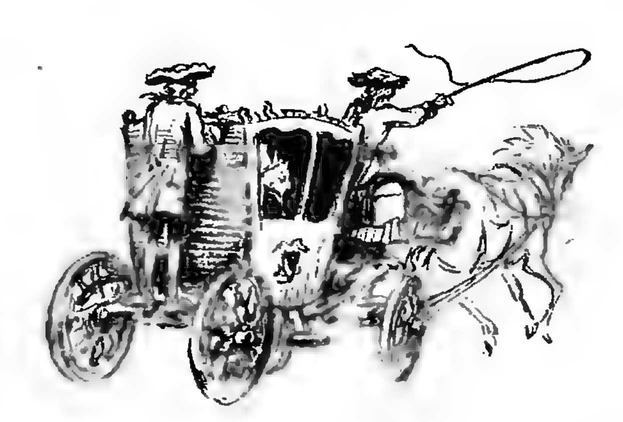
Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов искали в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором,
А разговор они вели
О людях — о царях земли.

Цезарь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углём, и шерстью, и пшеницей.

Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет —
И конь с каретой у ворот.

Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Чеканный Ге́орга портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, —
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.
А что́ едят жильцы лачуг, —
При всем моем воображенье
Я не имею представленья.

Люат

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине,
На мостовой иль на плотине,
Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров.
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, —
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...

А всё ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмуря.
И поглядишь, — в конце концов,
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Цезарь

И всё же, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов —
На землеробов, землекопов —
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!

Не раз, не два я видел дома,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...
Не знает счастья нищий люд.
Его удел — нужда и труд!

Люат

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз —
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный —
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал свыше сил,
Тем без подарка отдых мил.
Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых.
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.

Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому,
А юность носится по дому.

Я от нее не отстаю
И лаю, — так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,
Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.

А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

Цезарь

Служить стране!.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повторит, что велит премьер.

Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блистать и в опере, и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде.
А то возьмет и скуки ради
На быстрокрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратив в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит!.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот каково его служенье!..

Люа́т

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы...
Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, чорт возьми!— внушает чорт.—
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы, —
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого чорта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо́,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
А бедным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет!

Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах —
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.

Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок,
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам.
Всё напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто был отвергнут в матче партий,
Находит вкус в другом азарте —
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.

А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер,
Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что если б высказались вслух,
Затмить могли б чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чортовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье..

Бывают, правда, исключенья —
Без исключений правил нет, —
Но так живет наш высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными тряхнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, чорт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

Ода шотландскому пудингу Хáггис

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира —
Могучий Хáггис, полный жира
И требухи;
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, жужжит, как муха,
От пищи пьян.

Пусть тот, кто любит стол французский—
Рагу и всякие закуски
(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред!),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.

Но — бедный шут! — от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов — мочалки,
Кулак — орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.

А тот, кому ты служишь пищей,
Орех расколет в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок,—
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.

Молю я Промысел небесный:
И в будний день и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благость
И ниспошли родной, чудесный
Горячий Хáггис!

Белая куропатка

Цвел вереск, и сено собрали в стога.
С рассвета обшарили парни луга,
Низины, болота вблизи и вдали,
Пока наконец куропатку нашли.

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее в лёт,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.

Сметет она с вереска рóсы пером
И сядет вдали на болоте сыром.
Себя она выдаст на мху белизной,
Такой лучезарной, как солнце весной.

С ней Феб восходящий поспорить хотел,
Ее он коснулся концом своих стрел,
Но ярче лучей она стала видна
На мху, где доверчиво грелась она.

Лихие стрелки, знатоки этих мест,
Обшарили мхи и болота окрест.
Когда ж наконец куропатку нашли,
Она только фрр...— и пропала вдали!

Нельзя на охоте спешить, молодежь,
Неслышно к добыче крадись, молодежь!
Кто бьет ее в лёт,
Кто взлететь не дает,
Но худо тому, кто добычу вспугнет.

Цветок Дéвона

О, как ты прекрасен, извилистый Дѐвон,
Прохладен и свеж твой таинственный дол.
Но лучший из лучших цветов твоих, Дѐвон,
У берега Эйра когда-то расцвел.

Солнце, щади этот нежный, без терний
Алый цветок, освеженный росой!
Пусть из крадущейся тучи вечерней
Бережно падает ливень косой!

Мимо лети, седокрылый, восточный
Ветер, ведущий весенний рассвет!
Пусть лепестков не коснется порочный
Червь, поедающий листья и цвет!

Лилией стройной гордятся Бурбоны,
В гордой Британии розе почет.
Лучший цветок среди рощи зеленой
Где-то у Дѐвона скромно цветет.

Машины слесаря Салычева

Б. Г. Салычев у сконструированной им заправочной машины на красилке.

На одной из окраин Калуги будто вросли в землю огромные приземистые корпуса цехов спичечной фабрики «Гигант» имени Ворошилова. Много интересного на этой фабрике. Самую обыкновенную коробку спичек, которую мы покупаем в магазине, делают десятки сложнейших машин, аппаратов, механизмов. И лишь отдельные, как правило, подсобные, операции выполняются вручную.

Когда слесарь Борис Георгиевич Салычев, впервые перешагнув порог цеха — а это было семь лет назад,— увидел, как делаются спички, то и он был поражен высокой механизацией и автоматизацией всех процессов производства.

Любознательный, пытливый слесарь по долгу своей работы в короткий срок изучил почти все основные машины на фабрике. Однажды разговор о набивочной машине натолкнул его на мысль попробовать свои силы и в изобретательстве.

Дело в том, что машины, которые набивают в смену десятки тысяч коробок спичками, иногда пропускают брак. Это обнаруживалось обычно уже при упаковке спичек в ящики. Но сколько затем требовалось времени, чтобы найти именно ту машину, которая гонит брак! Кто-то сказал тогда: «Ставились бы отметки на коробке, тогда поиски были бы гораздо короче».

Салычев задумался над этим. Много усилий потратил он и в конце концов сконструировал дополнительный механизм, который ставил номер.

Директор фабрики премировал слесаря Салычева.

Это было в 1951 году.

— Теперь,— рассказывает Борис Георгиевич,— такое клеймение коробки уже внедрено на всех спичечных фабриках Советского Союза.

После первой удачи Салычев принялся за другую машину и внес в ее конструкцию восемнадцать поправок! А сейчас неутомимый слесарь-изобретатель поставил перед собой новую задачу — создать такую машину, которая будет загружать и разгружать красильную машину. Машина для машины!

— Она будет сама и укладывать коробки спичек в ящики,— говорит Борис Георгиевич.— Останется их только упаковать. Сейчас самое горячее мое желание — закончить эту работу к открытию XX съезда Коммунистической партии.

В. КАЛАШНИКОВ,
Д. ГЛАЗУНОВ

Иван Бунин

К 85-летию со дня рождения

В майский день 1887 года по лесной дороге из почтового отделения в Озерки, Елецкого уезда, шел юноша, срывал росистые ландыши и поминутно перечитывал свое стихотворение, напечатанное в журнале «Родина». Трудно было предположить, что этот юноша — в будущем большой русский писатель и поэт Иван Алексеевич Бунин. Детство и юность его прошли в бывшем Елецком уезде, Орловской губернии, в семье разорившегося потомственного дворянина.

Наиболее ценный период в литературной деятельности Бунина наступает после революции 1905 года. Он был одним из тех немногих писателей, которые устояли в дни реакции, не поддались мутной пене мистицизма, порнографии.

В 1909—1910 годах Бунин пишет повесть «Деревня» — суровые, беспощадные картины жизни дореволюционной деревни. Он рисует образы голодных, забитых крестьян, алчных кулаков, показывает старую деревню без прикрас, без подрумянивания. В. Воровский в 1911 году в журнале «Мысль» оценил повесть «Деревня» как «талантливую, т. е. действительно внутренне пережитую и искренне написанную талантливым художником повесть». Вместе с тем В. Воровский отметил, что Бунин видел только старую деревню, не обратил внимания на духовное пробуждение крестьянства, не увидел «молодой деревни».

Бунин привлекает нас глубоким знанием быта, психологии людей и того класса, из которого он вышел, и крестьян, бедняков, измученных заботами и нуждой, которые, казалось, были далеки от него — «барина». В галерее крестьянских образов, созданных Буниным, — Авдей, по прозвищу Забота. Заботы сделали его нелюдимым, а его старуху — страдалицей; ему седьмой десяток, и когда молодой барин спрашивает его, было ли хоть что-нибудь интересное в его жизни, Авдей отвечает: «Вот семой десяток живу, а, благодаря бога, интересного ничего не было».

Поразительной была разносторонность таланта Бунина. Он был и поэтом и прозаиком. Он много странствовал, объездил всю Западную Европу, подолгу жил в Италии, был в Турции, Египте, Сирии, Палестине, Северной Африке, был на острове Цейлон. Русский писатель совмещал тонкое чувство русской природы с острым восприятием тропического пейзажа, глубокое проникновение в душу батрака Аверкия, крестьянина Захара Воробьева с познанием психологии, нравов колонизаторов-англичан, американских миллионеров.

К 1914 году относится один из лучших рассказов Бунина — «Братья» — об острове Цейлон, о жизни и смерти маленького рикши. Если верить легенде, на Цейлоне был рай Адама и Евы. Русский писатель показал, что сделали из этого рая колонизаторы.

Распространено мнение о «холодном мастерстве» Бунина. Нам это кажется не имеющей под собой почвы версией. Достаточно сослаться хотя бы на рассказы Бунина о любви. Он писал о любви много, и почти всегда это рассказы о любви несчастной, трагической. Рассказ о пастухе Игнате, полюбившем распутную женщину; рассказ о трагедии одинокого человека, от которого ушла любимая женщина,— «Сны Чанга»; «Митина любовь» — рассказ о гибели обманутого в своей первой любви молодого человека; «Ворон» — напоминающий по сюжету «Первую любовь» Тургенева; наконец, «Темные аллеи» — рассказ, где тема несчастной любви переплетается с темой неравенства, которое разделило дворянина и любимую им крепостную девушку.

Удивительная живопись слова, особая, «образная» память пленяют нас в пейзажах Бунина.

В последний, эмигрантский период своей жизни Бунин увлекается формой коротких, иногда размером в полстраницы, рассказов. Завет Чехова о краткости он доводит до пределов возможного. Он пишет крошечные рассказы «Капитал», «Первый класс», «Канун».

Читая произведения Бунина последнего периода, отличаешь прекрасное и умное от злобного и мелкого, от того, что, к сожалению, было у писателя. Размышляя о его жизни и творчестве, о его горьких ошибках, убеждаешься в том, что он сам был повинен в своей грустной участи, в том, что умер на чужбине, вдали от Родины. «Личные чувства», неспособность подняться над классом, из которого он вышел, несмотря на то, что он знал ему цену, помешали писателю понять значение революционного переворота, который совершился на его Родине.

Вторая мировая война, разгром фашизма советским народом произвели огромное впечатление на Бунина. Он приветствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

Бунин тосковал по Родине. Он был уже стар, немощен, разные «друзья» убеждали его, что ему нельзя предпринимать долгие путешествия, менять образ жизни.

Больной, он писал в Москву своему старому другу писателю Н. Д. Телешову, горячо просил, чтобы Н. Д. Телешов передал государственному издательству: пусть издает все что угодно из его писаний, но выбирает только из издания 1934—1936 годов (то есть из переработанного и редактированного Буниным собрания сочинений). Он предложил даже выслать свой экземпляр.

Скончался Бунин в Париже 8 ноября 1953 года, восьмидесяти трех лет от роду.

Отметая все, что было недостойно его таланта и ума, мы будем ценить лучшие его произведения: они принадлежат русской литературе, они принадлежат стране, где родился, жил, творил в расцвете своего таланта большой русский писатель Иван Алексеевич Бунин. В 1956 году пять томов собрания сочинений И. А. Бунина выходят в качестве приложения к журналу «Огонек».

Л. НИКУЛИН

Теплая встреча

В гостях у французских актеров

Мы выехали на старую и узкую парижскую площадь и остановились у подъезда невзрачного дома № 15. Здесь живет семья талантливых французских актеров — Ив Монтан и Симона Синьоре. В первом этаже по звонку открылась дверь, и нас проводили в довольно обширный, но в эту минуту безлюдный салон, который скорее похож на библиотеку.

Вдоль стен стоят книжные шкафы. В них полные собрания сочинений Золя, Бальзака, Гюго. Мы видим здесь книги Пруста и стихи Маяковского на французском языке, произведения испанских, итальянских, немецких авторов.

— Ив Монтан и Симона Синьоре сейчас придут,— любезно говорит встретившая нас женщина.

В этот сравнительно ранний час первой появляется Симона Синьоре. Завязался оживленный разговор об искусстве, о международном театральном фестивале в Париже, о спектакле «Меловой круг» немецкого драматурга Брехта, который был показан во время фестиваля.

— Я завидовала артистам, их высокому мастерству. Увидев их игру, мне захотелось по-новому решить свою роль в фильме, который ставится в Германской Демократической Республике по другому произведению Брехта — «Матушка Кураж».

Как всегда энергичный и оживленный, входит Ив Монтан.

— Год для нас выдался «тяжелый»,— говорит Ив.— Я только что закончил съемки в фильме «Герои устали», а сейчас снимаюсь в фильме «Ночная Маргарита», который ставит французский кинорежиссер Отан-Лара.

— Каковы ваши творческие планы в кино и театре на будущее?— спрашиваем мы Ива Монтана и Симону Синьоре.

— Недостатка в проектах нет,— шутливо отвечает Ив.— Вместе с Симоной мы вновь играем свои роли в спектакле «Салемские колдуньи» в театре Сары Бернар. Предстоят съемки кинофильма по этому же произведению. Пьеса американского драматурга Артура Миллера будет экранизирована под руководством французского режиссера Раймона Руло.

Мы рассказали Монтану о том, какой популярностью пользуются у нас, в Советской стране, его песни, исполняемые в граммзаписи, и выражаем надежду, что москвичи услышат живой голос французского певца.

— Я не перестаю думать о поездке в вашу страну,— замечает Ив Монтан.— Может быть, мне удастся побывать в Москве во время кинофестиваля французских фильмов.

И тут же рассказывает о последней напетой им пластинке «Народные песни Франции». Но разве можно передать в словах поэзию и музыкальность французского песенного фольклора? Вот закрутился диск электропатефона, и полились очаровательные звуки популярной песни «Когда цветут вишни». Мы слышим четкие и строгие слова «Партизанской песни», с которой шагали отважные бойцы французского Сопротивления.

Симона Синьоре и Ив Монтан.

Ныне Ив Монтан-певец является своего рода «миллионером». Недавно он получил «золотой диск» — граммпластинку, которую обычно вручают певцам, чьи песни уже записаны на миллионе пластинок.

Начав свой творческий путь с исполнения песен, Ив Монтан оказался и незаурядным киноартистом. Первого большого успеха он достиг в фильме «Плата за страх», с которым уже познакомился советский зритель. Затем Монтан выступил как драматический актер, талантливо сыграв роль Джона Проктора на сцене парижского театра в пьесе «Салемские колдуньи».

Теперь уже нелегко сказать, где Монтан пользуется наибольшим успехом — на театральной сцене, киноэкране или в концертном зале.

Ив Монтан чрезвычайно требователен к себе. Концерт, который прошел с триумфом в театре «Этуаль» и был записан на две долгоиграющие пластинки, готовился на протяжении почти трех лет. Режиссеры удивлялись исключительной работоспособности и настойчивости Ива Монтана и Симоны Синьоре при подготовке спектакля «Салемские колдуньи». Актеры работали с энтузиазмом, не жалея времени на репетиции. Долгие и долгие месяцы готовит Ив Монтан концерт, состоящий примерно из двадцати четырех коротких песен, исполняемых за два часа. Из сотен старинных и современных песен нужно отобрать всего лишь два десятка таких, которые созвучны душе певца и наиболее близки народу.

— Уж если петь, то петь о том, что волнует ум и трогает сердце,— говорит Ив Монтан.— Вот недавно мне подарили коллекцию советских граммпластинок. По ним я стараюсь понять душу и чувства советского народа. Немало различий в русских и французских мелодиях, но я убедился, что песни наших народов имеют одно общее: они выражают глубокую любовь к жизни. О жизни, достойной человека, стоит петь!

Как и многие другие мастера французского искусства, Ив Монтан и Симона Синьоре проявляют большой интерес к советской культуре. На их книжной полке — последние переводы советских книг на французский язык. Они не пропускают ни одного советского фильма, который появляется на парижских экранах. Они искренне желают расширения франко-советских культурных связей.

— Мы надеемся чаще видеть у нас в Париже советских артистов, музыкантов, художников,— говорит Симона Синьоре.— Культурный обмен — это путь к взаимопониманию. А люди, понимающие друг друга, всегда будут жить в мире и дружбе!

Наша короткая встреча подходит к концу. Ив Монтан спешит на киносъемку. Симона Синьоре начинает разбирать поступившую утром почту.

Прощаясь с Ивом Монтаном и Симоной Синьоре, я думаю о талантливости французского народа, о том, как машинистка редакции малоизвестной французской газеты и молотобоец стали популярными артистами. И хочется им пожелать, чтобы их таланты были всегда на службе народа Франции!

Г. РАССАДИН

Париж.

Так дублируются ФРАНЦУЗСКИЕ ФИЛЬМЫ

17 октября в Советском Союзе начнется первая «Неделя французских фильмов». В Московской киностудии имени М. Горького дублировалось несколько французских кинокартин. Большинство из них — экранизация литературных произведений. Заместитель директора студии Н. М. Кива рассказывает:

Кадр из фильма «Красное и черное». Жюльен Сорель в исполнении Жерара Филипа и г-жа де Реналь — актриса Даниель Даррье.

— Советские зрители увидят на экране героев романа Стендаля «Красное и черное». Экранизировав этот шедевр французской литературы — «Хронику 1830 года», режиссер Клод Отан-Лара создал замечательный цветной фильм о судьбе талантливого честолюбца Жюльена Сореля. Роль Сореля исполняет Жерар Филип, которого любители кино помнят в образах другого стендалевского героя, Фабрицио дель Донго в «Пармской обители», и смелого, озорного Фанфана-Тюльпана.

Трагическая история любви, преступления и «рокового» возмездия рассказана кинорежиссером Марселем Карнэ в картине «Тереза Ракэн», сюжет которой навеян мотивами одноименного романа Э. Золя.

Большой премии французского кино удостоен в нынешнем году патриотический фильм «Беглецы» режиссера Жан-Поля ле Шануа. В основе его — книга воспоминаний Мишеля Андре, драматическая история бегства военнопленных французов из гитлеровского лагеря. Мишель Андре не только принимал участие в написании сценария; он выступает в фильме и как актер, воплотив на экране пережитое им в жизни.

Молниеносно развертывается действие остроумной кинокомедии «Жюльетта» режиссера Марка Аллегре. Словно теннисными мячами, перебрасываются репликами персонажи комедии, вызывая смех в зале. Немало веселых минут доставят зрителям приключения взбалмошной Жюльетты (артистка Дани Робен), невероятные события, происходящие в загородном доме Андре... Исполнителя роли Андре уже давно полюбили зрители. Это Жан Маре, участвовавший в фильмах «Призыв судьбы», «Опасное сходство».

Должна ли женщина по требованию жениха бросить любимую профессию врача и стать только женой или ей суждено остаться одинокой? На эти вопросы пытается ответить героиня кинодрамы «Любовь женщины» (режиссер Жан Гремийон), которую мы также дублируем.

На студии уже озвучен фильм Анри-Жоржа Клузо «Плата за страх» с участием известного французского певца Ива Монтана, раскрывающего здесь свое дарование драматического актера.

— Как происходит дублирование фильмов?

— Дубляж требует большого, кропотливого труда. Каждый фильм запечатлен на нескольких пленках, на которых зафиксированы изображение, речь, музыка, различные шумы. При дубляже вся фонограмма иностранной речи заменяется пленкой, на которой заново записывается русская речь. Пение и музыка, шумы и другие звуковые эффекты иностранного фильма остаются неизменными.

При озвучивании надо достигнуть того, чтобы зрители, глядя на французского актера, поверили, что он сам говорит по-русски. Добиться этого нелегко.

Сперва делается подстрочный перевод французских диалогов на русский язык. Русские слова должны точно соответствовать артикуляции французского артиста — движению его губ при разговоре. Но французская фраза и ее русский перевод могут не совпадать по количеству слогов, в гласных и согласных звуках. К тому же ритм французской речи очень стремителен.

Так как при дубляже фильм многократно просматривается и прослушивается режиссером, актерами, то для удобства работы кинопленку разрезают на короткие куски и склеивают в «кольца». Кольцо бессчетное число раз проецируется на экран — это позволяет внимательно наблюдать за артикуляцией персонажей.

...Мы заходим в павильон, где идет «укладка» фильма «Беглецы». На большом экране демонстрируется короткая сценка. Три беглеца (их роли исполняют французские артисты Мишель Андре, Пьер Френей, Франсуа Перье) обменялись репликами, и крошечный эпизод повторяется снова, до бесконечности. Артистка-укладчик М. Гаврилко, выключив звук, следит за движением губ героев фильма и произносит русский текст. «Ложатся» ли слова перевода? Если они не совпадают с артикуляцией французских персонажей, нужно, строго придерживаясь смысла реплик, найти иные слова, которые «укладываются» в артикуляцию. Так рождается новый вариант текста. Его и будут записывать.

В другом павильоне идет тонировка фильма «Тереза Ракэн». Заглавную роль играет Симона Синьоре, известная актриса кино и парижского театра Сары Бернар. На экране — «кольцо». Звучат по-французски слова любви, боли, упреки Терезы, обращенные к Лорану. Вслушиваясь в них, вглядываясь в лицо Симоны Синьоре, артистка театра имени Евг. Вахтангова Н. Никитина повторяет по-русски слова героини Золя. Звук выключается. Начинается запись. Следя за экраном, артистка синхронно говорит русский текст, «играет» его, сопровождая жестами, мимикой...

— Начало четче... Конец убыстрить... Еще скорее,— говорит режиссер М. Сауц.

По пять, десять, иногда по пятнадцать раз повторяется актером и записывается реплика.

Дубляж не просто «подгонка» слов. Артисту-дублеру нужно создать образ, передать голосом тончайшие оттенки чувств. Только тогда героиня Золя, герой Стендаля, персонажи веселой комедии «Жюльетта» «заживут» и в русском звучании... Трудная, но творчески интересная задача.

* * *

После «Недели французского фильма» в Москве в Париже будет проходить «Неделя советского фильма». Такое взаимное знакомство с киноискусством советского и французского народов, бесспорно, послужит дальнейшему укреплению культурных и дружественных связей между Францией и СССР.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Актриса Н. Никитина и режиссер М. Сауц работают над озвучиванием на русском языке фильма «Тереза Ракэн».

Фото Е. Тиханова.

Из почты „ОГОНЬКА"

Встреча со смерчем

Морские смерчи в районе Туапсе наблюдаются летом нередко.

В этот день с утра над морем нависли мощные грозовые облака, движущиеся на город. Но вот на южной окраине облаков появился отросток. Вытягиваясь воронкой, он опускался, образуя длинный хобот. Навстречу ему поднялся столб воды, окутанный в нижней части брызгами. Затем «хобот» соединился со столбом воды, и образовался смерч. Он стал приближаться к берегу. Как бы руководимый опытным лоцманом, смерч с грохотом прошел через ворота в порт и приблизился к набережной. Зрители, стоявшие на берегу, разбежались, тополи склонились к земле.

Выйдя на берег и всосав в себя песок, пыль и мусор, смерч из серо-белого превратился в красновато-бурый и со страшным шумом, разбросав по пути штабели аккуратно сложенных досок, направился к Морской горке. Ударившись о здание техникума, смерч разрушился.

Л. ШИШКИНА

Туапсе.

ГЛАЗУРОВАННАЯ ЦВЕТНАЯ КЕРАМИКА

Московский художник С. И. Канер предложил применять в мозаичном искусстве глазурованную цветную керамику вместо дорогостоящей стеклянной смальты. По своим живописно-декоративным качествам она не уступает смальте, а кое в чем и превосходит ее. Так, керамика более органично связана с кирпичной кладкой стены, вес ее почти вдвое меньше смальты. Она красива, прочна, обладает устойчивостью цвета, не подвергается воздействию влаги и солнца, изменению температур.

Цветная палитра керамики достигает свыше 400 тонов, и нет предела ее расширению.

Керамика может быть изготовлена блестящей, матовой, полуматовой, рельефной. При употреблении золота в керамике его расходуется совершенно незначительное по сравнению со смальтой количество.

Даем фотоснимок портрета М. В. Ломоносова, изготовленного из глазурованной цветной керамики.

Н. ПОСЫСАЕВ

Москва.

Солнечные часы

На одной из улиц Ленинграда — на проспекте имени Сталина, неподалеку от моста через Фонтанку, стоит верстовой столб с солнечными часами.

Здесь начинался раньше длинный путь из Петербурга в Москву на перекладных.

Солнечные часы появились задолго до нашей эры, еще в государствах античного мира. Крупным недостатком их было то, что они могли «ходить» лишь днем, и притом только в ясную, солнечную погоду. Ночью или в пасмурную погоду до появления механических часов приходилось пользоваться водяными часами, в которых время определялось по количеству воды, протекающей через узкое отверстие из одного сосуда в другой. Один из этих сосудов имел шкалу, деление которой соответствовало количеству воды, вытекающей в определенную единицу времени.

Солнечные часы на верстовом столбе в Ленинграде исправно «работают» и в наши дни. В солнечные дни по ним можно узнать время.

А. РЫСКИН

Ленинград.

Яблоки-шедевры

Многие посетители Всесоюзной сельскохозяйственной выставки с восхищением рассматривают яблоки, выставленные в павильоне «Казахская ССР». Это алма-атинский апорт.

Благодаря исключительно благоприятным для произрастания яблонь климатическим условиям северных отрогов Тянь-Шаня плоды этого сорта приобрели здесь выдающиеся качества. Они привлекают изяществом формы, чистотой кожицы, яркой окраской и тонким вкусом.

Алма-атинский апорт почти не имеет соперников по величине плодов. При среднем весе в 300—400 граммов они иногда достигают килограмма и содержат почти в полтора раза больше сахаров и витамина С, чем яблоки других районов.

Апорт и некоторые другие сорта яблок алма-атинской плодовой зоны, пожалуй, не имеют конкурентов.

В горах Тянь-Шаня будут созданы новые крупные сады.

Профессор А. ДРАГАВЦЕВ

Алма-Ата.

Морская гостья

Случай этот произошел на Варандее, одном из небольших островов Баренцова моря.

Однажды жители поселка увидели, что со стороны моря к ним направляется крупная нерпа.

Нерпы — пугливые, осторожные животные; охотникам приходится прибегать к множеству хитрых уловок, чтобы подойти к ним на расстояние выстрела. А тут зверь сам пришел в поселок!

Загадка вскоре разъяснилась. Оказалось, что нерпа вылезла неподалеку от берега из полыньи на лед «подышать свежим воздухом». Подвел зверя сорокаградусный мороз, быстро затянувший полынью довольно толстой ледяной коркой. Нерпа заметила чернеющие вдали крыши домиков и, возможно, приняв их за полоски чистой воды, поползла на берег.

Неожиданно оказавшись в поселке, среди людей, нерпа остановилась, подняла голову и, оскалившись, угрожающе зашипела. Сбежавшиеся со всех сторон собаки в страхе попятились, и только отважный Полюс решился продолжить опасное знакомство. Этот момент мне удалось запечатлеть на фотопленке.

Почти все жители Варандея охотятся на морского зверя. Убить нерпу на охоте — доблесть. Но как поступить, если она сама пришла к людям? Решение было единодушным: отпустить домой, в море...

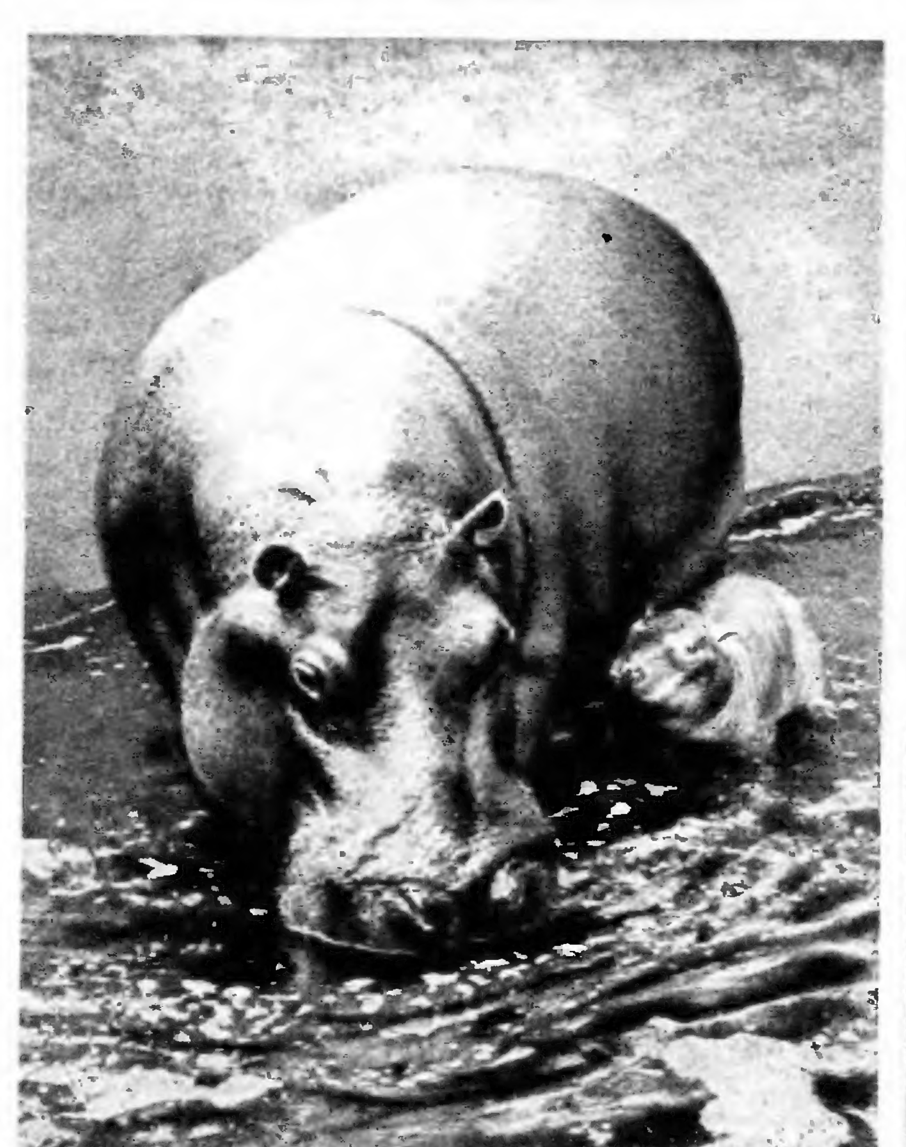
До ближайшей полыньи было около полутора километров. Провожать гостью отправилось почти все население поселка. Два охотника, пряча улыбку в заиндевелые усы, бесцеремонно подхватили пришелицу за ласты и волоком тащили почти до самой воды. Когда до полыньи осталось несколько метров, они отпустили зверя. Увидев полынью, нерпа быстро заработала ластами и легко заскользила к воде. На изломе льда животное задержалось на минуту, черные выпуклые глаза в последний раз блеснули на людей, и она нырнула в темную, дымящуюся на морозе воду.

Б. КРАЕВСКИЙ

Фото автора.

Баренцово море, Варандей.

У МАНИ РОДИЛСЯ КАЗБЕК

Маня с Казбеком в бассейне Тбилисского зоопарка.

У бегемотов Мани и Шалуна в Тбилисском зоопарке появился детеныш. Его назвали Казбеком. Вес новорожденного — 40 килограммов.

Казбек—первый уроженец периферийного зоопарка. До сих пор бегемоты размножались лишь в Московском зоопарке.

Фото К. Крымского.

Тбилиси.

Друзья

В овцесовхозе в Сталинградской области мне пришлось наблюдать интересный случай.

У Милки, собаки чабана, появились щенки, но их вскоре уничтожили.

Сыну чабана кто-то подарил утенка. Милка привязалась к утенку, как к щенку. Утенок сначала боялся собаки, убегал при ее приближении. Однако постепенно привязался к ней, подбирал крошки хлеба, когда собака ела, клевал из ее миски, грелся, прижимаясь к телу собаки, и позволял ей облизывать себя.

Когда утенок плавал на пруду, Милка сидела на берегу и повизгивала или беспокойно носилась около воды. Иногда она плыла вслед за утенком, но быстро уставала и возвращалась на берег. Друзья были неразлучны.

Когда утенок вырос и превратился в утку, его дружба с Милкой сохранилась по-прежнему.

В. ТАРАСОВ

Леоново, Московской области.

Отвечаем читателям

Дерево-удав

Это дерево изображено на фотографии. Приславший ее читатель «Огонька» Н. Д. Стриженко (Магаданская область) пишет: «В далекой колымской тайге, на открытой светлой поляне, поросшей редким лесом даурской лиственницы, стоит это дерево-удав, четыре раза обвившееся вокруг своего брата и удушившее его (дерево засохло). Спрашивается: какие причины заставили дерево извиваться?..»

Заместитель директора Института леса Академии наук СССР профессор Н. Е. Кабанов, к которому мы обратились за разъяснениями, сообщил:

— Факты, подобные описанному читателем «Огонька», в науке известны; в основном это следствие работы ветра и солнца. На Колыме нередки сильные, довольно устойчивые ветры. При воздействии их на верхушечные побеги лиственницы, когда отдельные деревья стоят рядом, возможно захлестывание, закручивание одного побега вокруг другого. В условиях резкой смены температур дня и ночи в побегах лиственницы, точнее, в древесине, наращивание годичных слоев (колец) идет не параллельно оси дерева, как обычно, а косо, под некоторым углом, и способствует тому, что закручивание удерживается. Скрученные друг с другом стволы могут довольно долго существовать вместе, но если верхушечный побег по каким-либо причинам получит свободу роста, то он отойдет в сторону, как это видно на фотографии. Не исключена, конечно, возможность и того, что два побега были скручены искусственно человеком и в таком положении оставлены. Необходимо иметь в виду, что молодые, тонкие побеги лиственницы очень гибки: их не только легко скрутить, но можно и завязать узлом.

«МАЙОР МИЛИЦИИ»

Отклики читателей

В №№ 25, 26 и 27 нашего журнала была опубликована повесть Л. Самойлова-Вирина «Майор милиции».

Редакция получила много откликов читателей. Публикуем некоторые из них.

«Впервые советские читатели прочли на страницах журнала о работе уголовного розыска нашей милиции. Ежедневно в прессе освещается работа колхозников, шахтеров, строителей, артистов и работников других специальностей, но никто и никогда так ясно и доходчиво не рассказал о скромном работнике милиции и его напряженном труде, требующем четкости, вдумчивости и смелости, как это сделал автор повести «Майор милиции»,— так оценивает повесть подполковник Захаров из Москвы.

К этой оценке присоединяются слесарь Федотов из Акмолинской области и группа читателей из села Словянка, Азербайджанской ССР.

Понравилась повесть и сотрудникам Термезского городского отделения милиции Сурхан-Дарьинской области УзССР. Они пишут:

«В повести «Майор милиции» правдиво показаны работники милиции, стоящие на страже интересов народа, ведущие борьбу с убийцами, расхитителями, ворами, хулиганами».

Сотрудники Ладского райотделения милиции Мордовской АССР в своем письме сообщили, что они с большим интересом прочитали повесть, в которой хорошо показано, каким должен быть работник милиции.

«Мы очень сожалеем, что до настоящего времени нет ни одного кинофильма о работе органов милиции, мало эта работа отражается в печати, в художественной литературе... В некоторых кинофильмах, на эстраде, в цирке работники милиции показаны в извращенном виде. Получается, что милиция только и делает, что возится с пьяными...» — сетуют сотрудники управления милиции Винницкой области тт. Клюса, Токарев и другие.

Во многих политических отделах милиции были проведены читательские конференции и собеседования по повести «Майор милиции». Президиум конференции Тбилисского гарнизона милиции сообщает, что «конференция прошла при большой активности читателей. Были заслушаны доклады: «Моральный облик офицера советской милиции», «Об оперативном мастерстве» и о литературно-художественных достоинствах повести «Майор милиции». Все выступившие товарищи отметили большое и полезное дело, осуществленное редакцией «Огонька». Повесть Самойлова-Вирина хорошо показывает труд работников советской милиции, она утверждает уважение к милиции, поднимает ее авторитет в глазах народа... В этом ее воспитательное значение. Конференция просит журнал «Огонек» почаще освещать на своих страницах многогранную и сложную работу советской милиции».

ВАЛУН ИЗ ПРИОНЕЖЬЯ

Между Плесом и Кинешмой некогда остановился пришедший с севера гигантский ледник.

Потоки вод от таяния льдов размывали принесенные предыдущими ледниками валунные суглинки — морену, выносили песок и гравий. Сила некоторых потоков была так велика, что даже громадные валуны вымывались и перекатывались на большие расстояния. Позднее их заносило песками.

Вот один из таких валунов. Его диаметр — около полутора метров. Такой громадный камень редко встречается в песках. Он обнажился в старом песчано-гравийном карьере на высоком правом берегу Волги у города Плеса. Поверхность валуна свидетельствует о том, что претерпел он во время своего долгого пути. Далекий пришелец обтерт, сглажен и избит ударами песчинок, высверливших в нем с помощью воды мелкие ямки. Они, подобно оспинкам, покрывают его поверхность.

А. ВИКТОРОВ,
инженер-геолог.

Номенклатура и халтура

Кое-где до сих пор судят о результатах работы промышленности по так называемым средним показателям.

(Из газет.)

Иван Кузьмич от счастья пьян:
«С программой все в ажуре!
Мы в среднем выполнили план
По всей номенклатуре!»
Курьеры рапорты несут
В райком, в горком и выше.
Как говорят, дела идут,
Контора пишет, пишет...
И ловит премии герой,
Как ловят рыбу бреднем.
Но что скрывается порой
За этим самым средним?

Зашел я как-то с Кузьмичом
В его артель «Прореха»,
Чтоб убедиться лично, в чем
Секрет ее успеха.

...Один портной — передовой —
Закончил план свой годовой.
Второй с клиентом спорит,
Сидит — не шьет, не порет.
А третий к теще на блины
Ушел на той неделе,
И недошитые штаны
Совсем осиротели...
«У нас, конечно,—молвит зав,—
В работе есть изъяны.
Ругаясь, потребитель прав:
На весь костюм — один рукав...
Зато кругом — карманы!
До каждой мелочи пока
Все не доходят руки:
Одна штанина коротка,
Другая — слишком широка,
А в среднем — все же брюки!»

Порой мы терпим ловкачей,
Сводящих план к халтуре.
А нужно б высечь Кузьмичей
По всей номенклатуре!

Леонид ЧЕРНЫШЕВ

Челябинск.

— ЕЩЕ ПОЛЧАСИКА, И ВСЕ БУДЕТ В ПОРЯДКЕ...

Фотоэтюд Риммы Лихач.

На женском шахматном турнире

Заметки наблюдателя

Гроссмейстеры на этот раз среди зрителей. На красиво убранной эстраде ЦДСА двадцать сильнейших шахматисток мира—претенденток на матч за мировое первенство.

На эстраде мы видим и Фрица Андерсона. Еще недавно он был главным судьей на турнире в Гетеборге, а здесь он представитель ФИДЭ.

Среди болельщиков немало скептиков. Они иронически улыбаются, когда кто-либо из участниц соревнования делает неудачный ход. Этим «врагам женщин» надо объяснить: если пока женщины действительно играют в шахматы слабее мастеров-мужчин, то не следует этому удивляться. На свете миллионы мужчин играют в шахматы. А женщин-шахматисток мало даже в Советском Союзе. Когда миллионы женщин будут играть в шахматы, то неизвестно, кто будет смеяться громче!.. Но и сейчас турнир шахматисток—такое же увлекательное соревнование, как и мужской турнир.

Наблюдаем знакомые картины. Американка С. Граф-Стивенсон и О. Рубцова разгуливают по сцене, ожидая хода соперниц. Не хуже некоторых мужчин-«цейтнотчиков» почти автоматически попадает в жестокий цейтнот О. Игнатьева. За эту «привычку» нельзя ее похвалить, однако она всегда успевает сделать нужные ходы, а в крайнем случае знает, когда надо предлагать ничью.

Большинство участниц хорошо теоретически подготовлено к соревнованию. В первые дни турнира мы видели сильные позиционные нажимы К. Зворыкиной, Л. Вольперт. Прекрасно провела атаку на короля чешки Р. Сухой представительница Югославии М. Лазаревич. Думаю, что не все мастера, сидевшие в зале, разглядели хитрую ловушку болгарки А. Ивановой в партии с француженкой Ш. Шоде де Силан.

Уверенность у некоторых шахматисток просто завидная. Так, например, С. Граф-Стивенсон спросила меня: «Вы знаете, кто будет первым в этом турнире?» «Возможно, что кто-нибудь из советских шахматисток», — ответил я. «Нет, турнир выиграю я!» — решительно заявила она. Несомненно, С. Граф-Стивенсон — опытная шахматистка. Она когда-то играла матч с Верой Менчик-Стивенсон — мастером экстракласса среди женщин.

Тренерами - секундантами некоторых участниц, например, В. Борисенко, В. Недělькович, являются их мужья — шахматные мастера. Естественно, что они вдвойне волнуются за результаты выступлений своих подопечных.

Секундант американки М. Карфф — Эдуард Ласкер, однофамилец покойного чемпиона мира Эммануила Ласкера. Одно такое имя, Ласкер, уже должно вдохновлять шахматистку. Однако пока практических результатов это еще не дало. Сам же семидесятилетний американский мастер говорит, что он очень рад случаю, давшему ему возможность побывать в Москве.

Шахматистки играют предприимчиво и многие под девизом: «Никаких ничьих!» Они, не в пример некоторым мастерам-мужчинам, не суеверны и не боятся менять костюм, независимо от удачи или поражения. Женщины таким пустякам не придают значения и охотно показываются на сцене все в новых и новых костюмах.

Среди участниц состязания немало знакомых москвичам. Многие попрежнему симпатизируют парижанке Ш. Шоде де Силан. Кое-кто уже «переключился» на М. Лазаревич. Белградской студентке 22 года, но она прекрасно ориентируется за шахматной доской и успела «вогнать в краску» гроссмейстера Т. Петросяна и автора этих строк советом: «Бросьте Вы свою излюбленную Каро-Канн. В шахматы надо играть темпераментно». Говорит М. Лазаревич на хорошем русском языке.

Среди зрителей — чемпионка мира Елизавета Быкова. Она с любопытством наблюдает за острой спортивной борьбой.

* * *

После первых пяти туров лидируют в турнире Вольперт (СССР), Грессер (США) и Лазаревич (Югославия), набравшие по 4 очка из 5 возможных. Лишь на пол-очка отстают от них: Борисенко (СССР), Граф-Стивенсон (США) и Келлер-Герман (ГДР). 3 очка из 4 возможных имеет Зворыкина (СССР).

Солидная группа лидеров!

Сало ФЛОР

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Морской залив, годный для стоянки судов. 6. Английский писатель. 9. Дарование. 11. Вид художественной литературы. 14. Кустарник с ягодами. 15. Снежная глыба. 17. Рассказ А. П. Чехова. 20. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина. 21. Создатель произведения. 22. Частица жидкости. 23. Яровой злак. 24. Нота. 25. Совокупность действий, событий в художественном произведении. 27. Выпуклая крыша. 29. Приток Алдана. 30. Русский художник. 31. Фигура в танце. 33. Мелкая монета в некоторых европейских странах. 34. Немецкий поэт и драматург. 35. Часть сооружения, сложенная из кирпича, камней. 36. Краткое изложение содержания. 39. Снаряд для метания.

По вертикали:

1. Увеличительное стекло. 2. Эскиз. 4. Музыкальный инструмент. 5. Главный вход. 7. Небольшое помещение специального назначения. 8. Героиня пьесы К. Тренева. 10. Мужской голос. 11. Краска. 12. Выключатель. 13. Тон речи. 16. Опера А. Рубинштейна. 17. Цвет. 18. День перед праздником. 19. Рыба из семейства лососевых. 25. Мастерская художника. 26. Вид искусства. 27. Палатка для торговли. 28. Изменение наружного покрова животных. 32. Морское ластоногое животное. 33. Период, ступень в развитии. 37. Часть колеса. 38. Музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. «Городок». 8. Сахалин. 9. Оттенок. 10. Богун. 11. Мумия. 12. «Колхозник». 15. Потолок. 18. Аксиома. 20. Казарка. 21. Техникум. 22. Романист. 24. Штурман. 26. Граната. 27. Такелаж. 30. Градобоев. 32. Билет. 33. Манеж. 34. Ашхабад. 35. Ледокол. 36. Австрия.

По вертикали:

1. Конотоп. 2. Досуг. 3. Гарус. 4. Гигиена. 6. Колонок. 7. Ледостав. 8. Скрипка. 13. Комендант. 14. Миноносец. 16. Оркестр. 17. Капуста. 18. Акробат. 19. Мексика. 23. Трикотаж. 24. Штурвал. 25. Надежда. 26. Галилей. 28. «Жакерия». 29. Серов. 31. Вахта.

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. К. Айвазовского «Радуга», М. М. Гермашева «Снег выпал», П. И. Коровина «С поличным», Е. Е. Волкова «Октябрь» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05615. Подп. к печ. 11/X 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 856. Заказ 2559. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рекордсмен мира в беге на 5 тысяч метров Владимир Куц.

Фото Н. Волкова.

Цена номера 3 руб.